

Карен Рэнни

Его единственная любовь

Серия «Властители гор», книга 1

OCR Roland; SpellCheck SAD
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156242
Его единственная любовь: АСТ; Москва; 2002
ISBN 5-17-014456-3

Аннотация

Англичанин Алек и шотландка Лейтис были еще детьми, когда повстречались впервые, однако любовь, вспыхнувшая между ними с первого взгляда, не угасла.

Прошли годы, и Алек с Лейтис встретились вновь. Встретились в грозный час, когда англичане вторглись в Шотландское нагорье. Встретились ожесточенными недругами, для которых безжалостная ненависть и безудержная страсть сплелись в единое, неразделимое целое...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	40
Глава 3	48
Глава 4	58
Глава 5	87
Глава 6	94
Глава 7	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Карен Рэнни

Его единственная любовь

Пролог

В свой одиннадцатый день рождения Йен поцеловал Лейтис Макрей. Она дала сдачи. Наградила его пощечиной. Да еще какой! Ему было больно. Мальчик потирал щеку, украдкой оглядываясь, не видел ли кто его позора. Но двор замка Гилмур был, слава Богу, пуст. На мощенном белым камнем дворе ни один грум не чистил лошадь своего господина, ни одна повозка, ежедневно пересекающая мост через лощину, не дожидалась разгрузки. Не было ни кухарки, ни горничной, ни кузнеца, терпеливо ожидающих появления своего лэрда. Массивная, окованная железом дубовая дверь была плотно закрыта – не оставалось ни щелочки, позволившей бы выглянуть смеющейся любопытной рожице.

Йен вздохнул с облегчением и благоразумно отступил на шаг от Лейтис.

– Никогда больше этого не делай! – Она яростно сверкнула глазами и вытерла ладонью губы.

– Это всего лишь поцелуй. – Йен признавал, что зря действовал так импульсивно. Но он мечтал поцеловать Лейтис уже давно.

Она не была похожа ни на одну из его знакомых девочек. Правда, следует заметить, что их было немного, потому что большую часть года Йен жил в Англии, в Брэндидж-Холле, но на лето, как обычно, приехал в Шотландию.

Каждый год они с матерью приезжали в горы. И целых два месяца никто не говорил ему: «Оправь курточку» – или: «Застегни жилет». Его воспитатель оставался в Англии, и Йена не донимали нотациями и не называли грубияном. Его мать только посмеивалась, глядя, как ее сын носится по владениям ее отца, этой твердыне шотландского духа.

Даже имя здесь у него было иное, которое он получил в шестилетнем возрасте в свой первый же приезд в Шотландию.

– Йен означает по-гэльски Джон¹, а ведь твое второе имя Джон. Верно? – спросил его дедушка.

– Алек Джон Лэндерс, сэр, – ответил мальчик, кивая.

– Настоящее английское имя, – хмурясь, заметил дедушка. У него были темно-каштановые густые, кустистые брови, а его лицо было изрезано морщинами, как утесы Гилмура ущельями. – Здесь тебя будут звать Йеном Макреем. Не желаю слышать фамилии Лэндерс.

Вот так это и произошло. В Шотландии никто не знал его английского имени, и это было свидетельством власти его шотландского дедушки, чьи заветы здесь свято чтили. Уж ес-

---

¹ Гэльский – язык кельтов, до сих пор сохранившийся в Уэльсе, Ирландии и в некоторых районах Шотландии. – *Здесь и далее примеч. пер.*

ли Нийл Макрей отдавал приказ, его исполняли.

Иногда Йен удивлялся и недоумевал, в чем причина вражды между лэрдом и его отцом. Его родители познакомились во Франции, когда мать навещала там родственников, а отец путешествовал по Европе. Мойра Макрей попросила графа, за которого собиралась замуж, чтобы их дети узнали о своем шотландском происхождении не понаслышке, а из первых уст. Йен был их единственным ребенком, но отец позволял ему бывать в Шотландии. Каждое лето он с матерью приезжал в Гилмур, и каждый раз при виде Бен-Хэглиша, маячившего вдалеке, он ощущал себя переродившимся. Когда карета останавливалась у дверей старого замка, его куртка была полурасстегнута, а сердце отчаянно билось от нетерпения поскорее увидеть своих друзей – Фергуса и Джеймса. Однако в последние два года он так же нетерпеливо ожидал встречи с Лейтис.

Она умела рыбачить не хуже любого мальчишки и лучше всех знала леса, окружавшие Гилмур. Ее ничуть не пугали комары, а бегала она быстрее всех сверстников.

– Это всего лишь поцелуй, – повторил он снова, гадая, простит ли она его когда-нибудь.

– Все равно тебе не следовало этого делать! – крикнула она. – Это отвратительно!

Рассерженная, она удалилась, громко топая, а он стоял, беспомощно глядя ей вслед.

– У нее горячий нрав, у нашей Лейтис, – раздался чей-то

голос.

Йен почувствовал, как жаркая кровь приливает к его щекам, потом обернулся и увидел обоих – Фергуса и Джеймса. Они выглядели мрачными. Джеймс был двумя годами старше, но ниже ростом, чем Фергус, и все же братья были похожи. Их рыжие волосы были темнее, чем у Лейтис.

– Как ты мог ее поцеловать? – с удивлением спросил Фергус. – Ведь это же Лейтис!

– Вы сердитесь? – Йен был в этом почти уверен и встал в позицию, расставив ноги так, как учил его дед. Он много раз мерился силами с Фергусом, но силы их были примерно равны.

Фергус покачал головой:

– Да нет же. Вот Мэри – это я понимаю! Или даже Сара! Но Лейтис?

– Она никогда не позволит тебе забыть об этом! – мрачно и убежденно сказал Джеймс. – Злопамятства ей не занимать!

– И она непременно пожалуется лэрду, – с ухмылкой заметил Фергус.

Йен почувствовал, как у него подвело живот.

Лэрд Нийл Макрей мог сделать гораздо больше, чем заставить своего внука изменить имя. В его власти было казнить и миловать всех в своем клане, насчитывающем более трехсот человек. Его слово было законом, его приговор – окончательным. Но частенько в его глазах плясали смешинки, а на губах играла улыбка – это означало, что при всей своей

власти он не считает себя такой уж важной персоной. Но он свирепо карал обидчиков жителей Гилмура.

Что будет, если Лейтис ему пожалуется?

– Не понимаю, зачем ты это сделал, – сказал Джеймс, глядя вслед удаляющейся сестре. – Она вовсе не такая уж хорошенькая.

Не веря своим ушам, Йен смотрел на братьев Лейтис.

Ее ярко-рыжие волосы сверкали на солнце и ниспадали на спину. Однажды он осмелился дотронуться до них, гадая, обожгут ли они его руку. Она отскочила в сторону и чуть не двинула его по голове, желая наказать за дерзость. Ее ослепительная кожа сверкала, как снег, и только на носу притаилась россыпь мелких веснушек. Ее светло-голубые глаза были широко распахнуты, как окна. Ему хотелось заглянуть в них, чтобы увидеть, что там, у нее в душе.

– Йен с придурью, Джейми, – сказал Фергус. – Потому и поцеловал Лейтис. Это оттого, что он наполовину англосакс? Как ты думаешь?

Йен почувствовал, что краска смущения заливает его щеки. Как всегда при упоминании о его происхождении.

– Я бы жил только здесь, если бы это было возможно, – сказал он, чувствуя, что совершает предательство по отношению к отцу, произнося такие слова.

– Но тогда я очень тосковала бы по тебе.

Нежный смех, сопровождавший эти слова, заставил его повернуть голову. Он увидел мать, одетую для верховой про-

гулки. На ней была темно-синяя амазонка с широкой юбкой, разделенной внизу на две свободные штанины. Ничего подобного в Англии она не носила. Но здесь, в горах, она предпочитала ездить, сидя по-мужски, и модное дамское седло, сделанное для нее по заказу его отца и считавшееся более пристойным для женщин, могло спокойно отдыхать до лучших времен.

Братья умолкли при приближении его матери. Она не просто графиня и дочь лэрда, подумал Йен, она до того хороша, что мужчины порой останавливаются и умолкают, желая поглазеть на нее.

Ее черные кудри ниспадали на плечи и спину и пахли лавандой. Глаза были такими же пронзительно-синими, как у ее отца. Люди всегда стремились к ней, будто чувствовали, что Мойра Макрей – особенное явление. Мать Йена обладала даром находить прелесть в самых обычных вещах: например, она восхищалась изяществом и тонкостью работы паука, сумевшего сплести кружево из паутины, или красотой ледяных узоров на окне.

Протянув руку, Мойра взъерошила сыну волосы. Он повел головой и освободился от ее руки, смущенный этим проявлением чувств на глазах у друзей. Она понимающе улыбнулась, и он ответил ей широкой улыбкой. Когда они оставались наедине, Йен ничуть не возражал против того, чтобы мать обнимала его за плечи или приглаживала его волосы, откидывая их со лба. Только на людях он считал своим дол-

гом выглядеть более мужественным.

Йен все еще стоял рядом с матерью, когда привели ее коня, и она без видимых усилий вскочила на огромного гнедого.

– Ты не возьмешь с собой никого для охраны? – спросил он, вспоминая недавний приказ своего деда. В окрестностях снова рыскали Драммонды, и никому не позволялось покидать Гилмур без сопровождения.

Йен никак не мог привыкнуть к постоянным стычкам между кланами. Ведь в Англии все споры землевладельцев разрешались судом после изучения тщательно составленных бумаг или по петиции поверенных.

– Варварство, – довольно часто говорил его отец. – Эти чертовы шотландцы – сплошь варвары.

Но потом его взгляд обращался к жене, и в ответ на ее насмешливую улыбку он тоже начинал улыбаться и замолкал.

Здесь, в Шотландии, Йен привык просыпаться под гневные возгласы его деда, возмущавшегося очередным разбойным набегом. Много раз ему доводилось наблюдать, как сам лэрд вел своих людей по мосту через лощину, и их фигуры в килтах были хорошо видны в лунном свете.

– Никто не может меня догнать, – отвечала его мать с улыбкой. – Кроме того, если налетят Драммонды, то только чтобы захватить коров, пасущихся в долине, или наших овец, но не одинокую всадницу. – Она низко склонилась с седла и прошептала на ухо Йену: – Поменьше беспокойся

обо мне, сынок, и больше думай о сюрпризе, который я приготовила к твоему дню рождения. Я вручу его тебе, как только вернусь, – добавила она со смехом.

Мойра пришпорила лошадь и помчалась через мост, связывавший Гилмур с долиной. Оказавшись на его середине, приостановилась и махнула сыну рукой. Она ездила верхом лучше всех, кого он знал, даже лучше его отца, и ежедневно в эти утренние часы она мчалась по свежей траве с развевающимися на ветру волосами.

Йен махнул в ответ и повернулся к своим друзьям, горя желанием поскорее покинуть двор. Будет лучше, решил Йен, не видеть больше Лейтис. Надо дать ей остыть.

– Пойдем сегодня на рыбалку? – спросил он.

– Нет, у меня другая задумка, – ответил Фергус ухмыляясь. – Но это секрет.

– Лестница? – Джеймс бросил на Фергуса быстрый и настороженный взгляд.

– Какая лестница?

Джеймс ткнул брата в бок острым локтем.

– Мы не должны говорить. Нам это запрещено. Лэрд не велел болтать.

– Но ведь Йен – его внук, – запротестовал Фергус. Йен переводил взгляд с одного брата на другого.

– Какая лестница? – спросил он снова.

Братья замолчали и только сердито переглядывались.

– Если нам попадет, я возьму вину на себя и скажу, что я

был заводилой, – решил, наконец, Фергус.

– Ты ведь знаешь, что на это скажет лэрд, – возразил Джеймс, глядя на брата с прищуром. – Он скажет, что мужчина должен противиться искушениям и помнить о цене, которую обязан заплатить, если поддастся им. За грехи придется расплачиваться.

– Мы заставим Йена поклясться, – сказал Фергус.

– Дай-ка мне свой кинжал, Джеймс.

– А твой где?

– В бочке с дождевой водой, – признался Фергус. – Я упражнялся по метанию его в цель и не смог достать эту чертову штуку со дна бочки.

Джеймс покачал головой и неохотно передал ему нож.

Йен протянул руку ладонью кверху, понимая, чего хочет Фергус. Это был ритуал кровавой клятвы, придуманный Фергусом.

– Поклянись всем святым для Макреев никогда и никому не говорить о том, что мы тебе покажем, – произнес Фергус торжественным шепотом, и его слова шелестели, как осенние листья.

– Я не скажу никому. – Йен кивнул в подтверждение нерушимости своей клятвы.

Джеймса и Фергуса удовлетворило его краткое обещание.

Йен старался не дрогнуть, когда его друг сделал небольшой надрез на его ладони под большим пальцем. Боль оказалась неожиданно сильной, но он старался не подать вида и

опустил руку, чтобы кровь свободно стекала на землю.

Затем они тронулись в путь.

Гилмур, древнее обиталище клана Макреев, представлял собой устремленное вверх трехэтажное строение с остроко-
нечной крышей. Его наружные стены потемнели от времени
до такой степени, что замок приобрел землистый оттенок.
Замок стоял на длинном мысе, вдававшемся в озеро Лох-
Юлисс. Огражденный с трех сторон утесами широкий пере-
шеек был единственным подступом к лощине.

Вокруг замка Гилмур располагались приземистые строе-
ния – жилища членов клана и хозяйственные постройки. Хи-
жина кузнеца стояла рядом с кузницей, дубильным сараем и
конюшнями.

Эти места были хорошо известны трем мальчикам. Фер-
гуса хотели выучить на кузнеца, а Джеймса – на плотника.
Но в течение всех недель, что Йен проводил здесь, мальчи-
шек освобождали от привычных занятий и их почетным де-
лом было составлять компанию внуку лэрда.

Фергус, который шел впереди, направлялся к часовне,
воздвигнутой задолго до того, как первый из Макреев обос-
новался здесь, а это произошло добрых триста лет назад.
Считалось, что остров стал прибежищем святых и местом
паломничества пилигримов.

За долгие годы своего обитания Макреи укрепили кир-
пичную кладку древнего строения, заменили кровлю и защи-
тили ставнями каменные арки. Но в солнечные дни, такие,

как этот, ставни открывали, и солнечный свет лился внутрь, освещая помещение, похожее на пещеру.

Сегодня ветер с озера свистел под арками, издавая низкий и свирепый звук, похожий на недовольное рычание.

Братья разошлись, чтобы закрыть ставни, и комната погрузилась в темноту.

Фергус остановился в центре комнаты. Джеймс сделал несколько шагов вперед, вглядываясь в пол, вымощенный плитами.

– Что ты ищешь? – спросил Йен.

Мальчики ничего не ответили, и он молча ждал, что будет дальше.

Минутой позже Джеймс заговорил.

– Здесь. – Он указывал на место прямо перед собой.

– Там лестница? – спросил Йен громко. Фергус кивнул.

– И куда она ведет?

– Не знаю, – отозвался Фергус с широкой ухмылкой. В темноте сверкнули его белые зубы. – Но я хочу узнать.

– Так ты не знаешь? Тогда как тебе удастся найти то, что ты ищешь? – Йен опустился на колени рядом с другом.

Фергус сдвинул верхнюю плиту, под которой оказалась еще одна. В ее середину было вделано железное кольцо. Лицо Фергуса посерьезнело, улыбка сошла с него. Джеймс тоже помрачнел, и у Йена возникло ощущение, что старший мальчик предпочел бы сейчас находиться где угодно, только не здесь.

– Пошли вперед. И скажи ему, что самые большие неприятности уже позади.

– Однажды мы видели, как лэрд спускался туда, – сообщил Фергус.

– Мы пришли поговорить с ним, – добавил Джеймс.

– Но он исчез, а потом вдруг будто выпрыгнул из-под пола, – снова ухмыльнулся Фергус.

– И мое сердце от страха Чуть было не выпрыгнуло из груди, – сказал Джеймс. – Думаю, он был удивлен не меньше нашего.

Фергус кивнул:

– Он, конечно, был недоволен, это уж точно. И взял с нас клятву держать в тайне то, что мы узнали.

– В таком случае нам не стоит спускаться вниз, – решил Йен, заглядывая в отверстие. Хотя ему хотелось обследовать подземелье, совесть шептала ему, что не стоит нарушать запрет деда.

– Йен прав, – согласился Джеймс, вставая с ним рядом.

– А что в этом плохого? Камень ведь уже сдвигали с места, и тайна тебе известна.

Фергус, опираясь на локти, поколебался с минуту, прежде чем исчезнуть в темноте подземелья.

– Что ты делаешь? – закричал Джеймс в то время, как Йен сел на край камня, свесив ноги вниз.

– Ему не следует оставаться там одному, – решил Йен. Для него прелесть манящей тайны оказалась непреодолимой.

Его ноги скользнули вниз прежде, чем он нащупал первую ступеньку. Он протянул вперед руки, пытаясь найти опору и определить, куда двигаться дальше. Лестница была прорублена во влажной и скользкой стене. Ступени были узкими, а воздух тяжелым, напоенным влагой.

Йен знал, что вслед за ним спускается Джеймс. Минутой позже Йен услышал, как отодвигается камень, открывая новое отверстие.

– Почему мы не взяли фонарь? – спросил он, хотя до поверхности было рукой подать.

– А как бы я это объяснил? – сердито спросил Фергус. – Мать не выпустила бы меня из дома без объяснений, да и лэрд мог увидеть нас с фонарем. И что бы он сказал?

– Он понял бы, что мы его ослушались, – сказал Джеймс, следовавший за Йеном.

Там, внизу, была крошечная тьма, и это мешало сориентироваться. Единственное, на что могли рассчитывать мальчики, были их голоса.

Запах гнили усиливался по мере их продвижения вперед. Вероятно, липкие стены покрывал лишайник, и что-то столь же скользкое и липкое покрывало ступени. Дважды Йен чуть было не оступился.

Наконец лестница стала шире. Мальчик с чувством облегчения вышел из полного мрака в сводчатую пещеру, остановился и огляделся.

Утреннее солнце освещало красно-коричневые росписи

на стенах и потолке. Если художнику и не хватало таланта, он старался компенсировать его упорством и прилежанием. И каждый следующий женский портрет удавался ему лучше предыдущего. Последний портрет изображал красавицу в бледно-желтом платье с широкими длинными рукавами и с венком из незабудок в волосах. Ее пленительная улыбка и нежный свет зеленых глаз были переданы художником столь убедительно, что Йену показалось, будто он чувствует ее дыхание.

– Как ты думаешь, кто она? – прошептал стоявший рядом Фергус.

Йен только покачал головой.

– Это возлюбленная Иониса, – сказал Джеймс, подходя к ним.

Йен вопросительно посмотрел на него:

– Иониса? Святого?

Он снова обвел взглядом пещеру. Ему приходилось слышать рассказы об Ионисе от деда, но он считал их легендами рода Макреев. А теперь оказалось, что в основе этих легенд были исторические личности.

Йен медленно следовал за мальчиками, обозревая пещеру. Под его сапогами скрипела галька. Впереди была бухточка, которой ему не приходилось видеть прежде. Глубокие синие воды с трех сторон окружали скалы. Там, где должно было находиться озеро Лох-Юлисс, громоздились массивные скалы, поднимавшиеся со дна озера и похожие на почернев-

шие зубы гигантского чудовища.

Запрокинув голову, Йен смотрел вверх, ожидая, что увидит отсюда замок. Вместо этого его взору предстала только крутая стена нависавшего над берегом утеса. Его внимание приковала последняя из гряды скал. Между ними оказался проход, достаточно широкий, чтобы корабль мог войти в бухту и укрыться в ней.

Внезапно Йен осознал, что тайну составляла вовсе не лестница, а именно эта уединенная и скрытая от взоров бухта, единственное уязвимое место в неприступной твердыне Гилмура.

– Пора возвращаться, – сказал он, почувствовав, как кровь пульсирует в висках.

Йен проскользнул мимо Фергуса и снова оказался в пещере. Он больше всего сейчас хотел выбраться отсюда, закрыть вход на лестницу, замуровать его и притворяться, что он ничего не знает о потайном месте.

– Куда ты? – окликнул его Фергус.

Йен круто обернулся, хмуро глядя на друга.

– Лэрд будет недоволен, – сказал он. – И то, что я его внук, не умилостивит его, если он узнает, что я побывал здесь.

Напротив, его родственные отношения с лэрдом могли только усугубить наказание. Он бросился вверх по лестнице и одолел подъем вдвое быстрее, чем спуск. Йен вынырнул из входа в пещеру, чувствуя, что судьба приготовила ему удар, потому что первое, что он увидел, были ноги в сапогах. По-

том его взгляд скользнул выше. Среди членов их клана всегда была женщина, способная угадывать прошлое и предвидеть будущее, в особенности гнет грядущих испытаний. И в этот момент Йен Макрей, урожденный Алек Джон Лэндерс, почувствовал, что и он способен предсказывать будущее.

Он испуганно мигал, глядя в синие глаза деда, сейчас казавшиеся ледяными.

– Пойдем со мной, Йен, – приказал лэрд, и его голос отозвался эхом в сводчатой комнате. – Мне очень жаль, но сегодня тебе предстоит стать мужчиной.

– Да, сэр, – отозвался мальчик, принуждая себя не отводить глаз от лица деда и мужественно принять заслуженное наказание.

Йен надеялся, что отвага не покинет его. Но дедушка не остановился в зале клана и не повел его в свои покои. Вместо этого они прошли под аркой и оказались во дворе замка Гилмур.

Его бабушка рыдала, закрывая лицо передником.

– Мойра, Мойра! – стонала она, раскачиваясь взад и вперед.

Йена неожиданно охватил леденящий ужас.

Тут же он увидел лошадь матери, привязанную к краю телеги. Бока лошади были в пене, глаза почти выкатились из орбит. Она рвалась из рук грума, пытавшегося ее успокоить. Телегу окружало несколько мужчин. Никого из них мальчик не узнавал.

Однако не эти чужие люди привлекли внимание Йена, а рыдающая бабушка. Он двинулся к ней, движимый необъяснимым смутным предчувствием, что с детской невинностью покончено навсегда и ему никогда больше не испытать радости и счастья в Гилмуре.

Он подошел ближе к телеге, двигаясь как во сне и думая, что видит кошмар наяву. Пока он исследовал бухту вместе с Фергусом и Джеймсом, Драммонды убили его мать, его прекрасную, вечно смеющуюся мать.

Он чуть не плакал. Его тошнило. Ему хотелось укрыться в объятиях бабушки.

– Женщины подготовят ее к погребению. – На его плечо легла чья-то рука. Он поднял глаза и увидел лицо деда, с жалостью смотревшего на него сверху вниз. Йен покачал головой – он хотел остаться рядом с ней.

Мужчины отнесли его мать в ее комнату. За ними следовали плачущие женщины. Позади шел Йен, молчаливый и решительный. Когда обмывали ее тело, Йен отвернулся, но он не желал уходить, не хотел покидать ее. Он не мог ни с кем разговаривать.

– Они ее изнасиловали и замучили насмерть, – прошептала одна из женщин, охваченная ужасом, а бабушка безутешно плакала.

Йен закрыл глаза, руки его, повисшие вдоль тела, были сжаты в кулаки. Он с трудом сдерживал ярость и печаль.

Всю ночь он просидел возле убранной для погребения ма-

тери, тщетно ожидая, что ее веки приподнимутся, глаза откроются, и она встанет и рассмеется весело, как всегда. «Это только шутка, — скажет она, — только шутка, мой драгоценный». И в ее глазах он увидит обычную усмешку.

Он долго и пристально смотрел на нее, до рези в глазах, и старался пореже мигать, чтобы не упустить минуты, когда она впервые вздохнет. Но ее веки оставались сомкнутыми, а лицо — неподвижным и белым в свете толстых восковых свечей в головах и в ногах покойницы.

Его бабушка бодрствовала вместе с ним, сидя на стуле неподалеку от него. Но они не сказали ни слова во время их ночного бдения, желая сохранить покой и оградить тело и душу усопшей.

На рассвете пришел дед с какими-то людьми и дал знак окончить церемонию прощания и начать погребение. Его мать будет покоиться среди холмов Гилмура.

И Йен знал, что никогда больше не увидит ее.

Джеймс и Фергус в килтах встали рядом с ним, но внезапно Йену захотелось, чтобы они ушли. Он чувствовал, что не сможет удержаться от слез, а ему очень не хотелось, чтобы друзья видели его в минуту слабости.

Из толпы выступила Лейтис. На этот раз ее непокорные волосы поддались гребню и ленте. В ее глазах стояли слезы, щеки пылали, губы покраснели и распухли. Он смотрел на нее, и ему показалось, что прошло не менее тысячи лет с тех пор, как он дерзнул поцеловать ее.

Лейтис подошла к нему, привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Всего несколько часов назад он был бы счастлив, но теперь не почувствовал ничего.

Она что-то сунула ему в ладонь.

Это был длинный клочок черной овечьей шерсти, обвитый кольцом вокруг чертополоха.

– На память, – сказала она тихо. – Чтобы ты не забыл этот день.

Он смотрел на нее, изучая ее лицо, будто никогда прежде не видел.

Как она могла подумать, что он забудет этот день? Он нарочно уронил ее подарок и растоптал сапогом.

– На все Господня воля. – Бабушка обняла Йена за плечи. Он поднял глаза на деда. Его глаза были красными, но сухими.

– Мы скотты, мой мальчик. Никто не виноват в том, что суждено судьбой.

Он почувствовал, что не хочет быть скоттом, он испытывал неприязнь к своему клану. Он Алек Джон Лэндерс, а не Йен Макрей, и теперь он отчаянно старался не заплакать.

– Я не скотт, – сказал он упрямо. – И никогда им не стану. Я англичанин и ненавижу вас всех.

Глава 1

Шотландия, июль 1746 года

– Вот мой приказ, полковник, и он столь же важен, как и вся ваша кампания. Подавите это чертово восстание! Казните всех мятежников и смутьянов, и пусть в горах Шотландии воцарятся мир и покой!

Слова герцога Камберленда эхом отдавались в мозгу Алека Лэндерса на пути к форту Уильям. За ним следовали пятеро вооруженных пиками всадников, сопровождавших его от самого Инвернесса. Их разговор перемежался звоном конской сбруи, цоканьем копыт по густой траве и стонами ветра, и все это служило фоном для его невеселых мыслей.

На гребне холма, неподалеку от его нового места назначения, он остановился и поднял руку. Его люди тоже остановились, сохраняя порядок следования. Никто из них не спросил его о причине промедления или о том, почему он спешился и прошел несколько футов вперед к обочине дороги. Да им бы это и в голову не пришло.

Он стоял неподвижно, вглядываясь в развернувшуюся перед его глазами картину, и память возвращала ему забытые подробности.

В течение шести лет, вплоть до его одиннадцатого дня рождения, каждый раз, когда они приезжали сюда, их карета останавливалась на этом самом месте. Его мать высовыва-

лась из окна, и они оба любовались ее родным домом. Гилмур манил их, как приветный огонек, приглашая вступить в чудесный мир, будто созданный для нее одной и по ее желанию. Здесь она и улыбалась не так, как в Англии, будто избавившись от оков.

О чем бы думала сейчас его мать, будь она жива, спустя столько лет, если бы узнала, что судьба или мстительный Бог прислали его на ее родину? Это был глупый вопрос, и он сам не находил на него ответа.

Большую часть года эту неприветливую страну окутывал серый холодный туман, и весь однотонный пейзаж словно оповещал: это Шотландия. Но сейчас вереск, чертополох и дикие цветы царили на склонах холмов, отбрасывая тени на зеленую траву и клевер. Озеро Лох-Юлисс казалось ярко-синим, а налетавший порывами яростный ветер рябил его поверхность, образуя невысокие волны.

По-видимому, это были первые предвестники бури. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь завесу облаков, окутывал замок каким-то призрачным сиянием. Так странно встречало его место, таившее столько воспоминаний.

Перешеек идеально подходил для встречи непрошенных гостей. Но строители замка ничего не знали о пушках, а тем более о том, что их потомки навлекут на себя гнев империи, и англичане будут мстить непокорным мятежным скоттам.

Гилмур, по-видимому, уже подвергался обстрелу ядрами и теперь представлял собой пустую скорлупу, над которой

даже кровли не было.

– Гилмур будет существовать всегда, дедушка?

– Он будет существовать так же долго, как и море, Йен.
Так же долго, как море.

Но дед заблуждался. Замок пал, лежал в руинах и казался скелетом по сравнению с выросшим рядом новым фортом Уильям.

Камберленд сам выбрал Алека среди своих кадровых офицеров еще во Фландрии и попросил сопровождать его в Шотландию для подавления мятежа. Он ценил его за его способность выходить сухим из воды и без единой царапины из битвы, а также за исполнительность и немногословие. Алек был назначен комендантом форта Уильям.

Он хотел было воспротивиться и привести основательные доводы для отказа от почетного поста, но было бы неразумно посвящать герцога Камберленда в вопросы своего происхождения и объяснять свое нежелание принять пост. Первое грозило ему виселицей, а второе могло вызвать недовольство герцога.

Горизонт затянуло туманной дымкой, окрасившей горы в синий цвет. Западный край лощины густо порос лесом, но на востоке она оставалась голой, будто и деревья, и траву ровно «подстригли» овцы. Внизу, в уединенном и скрытом от взглядов углу лощины, располагалась деревенька, которую Алек знал не хуже Гилмура. Скотты называли ее на своем языке «клахан». Он бывал гостем во многих домах, а уж в

доме Фергуса и Джеймса был своим, словно третий сын.

Камни домов позеленели от покрывшего их мха. Дома были похожи, как братья-близнецы, — длинные прямоугольные строения с дверью посередине фасада, как бы рассекавшей каждый дом надвое. По обеим сторонам от двери располагались окна. Солома на кровлях домов сваялась за долгие годы, и теперь крыши походили на хрустящую коричневую корку на свежеиспеченном каравае хлеба.

Было ему памятно и еще одно место, но не хотелось ни видеть его, ни приближаться к нему.

Он снова вскочил в седло, и кавалькада направилась к развалинам Гилмура. Он постарался изгнать из памяти все мысли о прошлом, чтобы легче было справиться с силами и сосредоточиться на выполнении своего воинского долга.

Небо темнело на глазах по мере того, как усиливался ветер, и под его порывами тучи листьев и пучки травы взвивались и проносились мимо открытой двери ее дома. Лейтис выглянула наружу. Внезапно луч света пронзил угрожающе-мрачное облако, позолотив его края, как бы оповещающая ее, что грядущая буря несет в себе Господню волю. В воздухе веяло печалью, будто сама земля была готова пролить слезы.

Лейтис закрыла глаза, прислушиваясь к голосам. Конечно, звуки рождались в ее мозгу, дразнили ее, напоминая ей беседу братьев. Ветер, приносящий с собой запах дождя, походил на приглушенный смех ее родителей. Он легко приподнял прядь волос у нее над ухом, и его дуновение было

нежным, как поцелуй, как прикосновение Маркуса, когда он склонялся над ней и шептал ласковые слова.

Среди звуков, оповещающих о приближении бури, ей показалось, что она различает звуки труб. Эти звуки пронзали ее сердце, напоминая о счастливых временах. Она представляла, как ее младший брат Фергус машет рукой с ближайшего холма, а рядом с ним улыбается ее старший брат – Джеймс, радуясь возвращению домой. Маркус, за которого она собиралась замуж нынешней весной, стоял рядом с ними и с ее отцом. Он пошутил, и все четверо мужчин рассмеялись, запрокинув головы, но раскаты их смеха затерялись среди громкого завывания труб.

Духи. Все они теперь были не более чем духи, вызванные напоенным грозой летним днем, и на глаза ей снова навернулись слезы.

Ткацкий стан отчасти приносил ей утешение. Она научилась ткачеству, когда едва могла вскарабкаться на резную деревянную скамью. Все воспоминания жизни были связаны с движениями пальцев и прикосновением к ним пряжи. Она ткала, когда пришла весть о высадке принца у Лохнам-Уам. Она заканчивала ткать плед для отца, когда он повел своих сыновей в бой, чтобы возвести на трон законного короля. И была занята той же работой, когда принесли известие о потерях в битве у Куллодена.

Ее дом никогда не казался ей таким огромным, как в последний год. Каменные стены были побелены изнутри, зем-

ляной пол, утоптаный до твердости многими поколениями ее предков, стал гладким, как камень. Мебель была простой, но прочной, рассчитанной на многолетнюю службу. Большой дубовый стол с шестью стульями, высокая конторка, где мать хранила свои сокровища, кувшин из тонкого фарфора с узором из пурпурных цветов. В углу, за двумя перегородками, сооруженными ее отцом, находилась родительская кровать, а чуть подальше – ее собственная. Братья спали наверху, на антресолях, куда забирались по стоящей в углу приставной лестнице.

Теперь в этом доме она жила одна. Ее отец, Фергус, Джеймс, Маркус – никого из них больше нет в живых. Мать ее умерла спустя несколько недель после известия о гибели сыновей и мужа, испытывая подлинное облегчение при мысли о смерти.

Однако трубные звуки все приближались, время от времени прерываемые только ударами грома. В груди и мозгу Лейтис все росла и ширилась мелодия погребальной песни Макреев, она пронизывала ее до мозга костей. Она заморгала, вдруг осознав, что музыка слишком громкая, чтобы быть плодом ее воображения. И слишком опасная. Неужели это опять Хемиш?

Она резко поднялась с места, оттолкнув скамейку от ткацкого стана. Подойдя к открытой двери своего дома, Лейтис на мгновение остановилась, держась рукой за притолоку. Этот звук не порождение ее воображения и не сон. Это зна-

чит, что ее дядя осмелился выйти навстречу англичанам и бросить им вызов.

Может быть, солдаты не слышат этого призыва и народу Гилмура не придется отвечать за вызов, брошенный Хемисшем. Но в мыслях Лейтис бранила себя за собственную глупость. Музыка труб была хорошо слышна, гулко разносилась по ложине и холмам.

Лейтис потянулась за шалью, висевшей на гвоздике возле двери, и, накинув ее на голову, быстро вышла из дома. Сократив себе путь, пробежала через чахлый садик Малькольма и добралась до расщелины между двумя пологими холмиками. Проторенная тропа вела к холмам, и она отлично знала дорогу.

Ветер облепил ее платье вокруг ног, прижал его плотно к телу, сдувал волосы со лба назад. Казалось, нежный любовник-ветер ласкал ее лодыжки, запястья и шею, целовал ее, и его поцелуи пахли влагой и солнцем.

Блеск молнии отрезвил ее, напомнив о том, что неразумно подниматься на холм во время грозы. И все же она боялась не столько сил природы, сколько людей. Этот урок она усвоила еще год назад.

Она взбиралась на пологий округлый холм, и цветы поднимали свои головки ей навстречу. На ветру, как бы приветствуя ее, покачивали своими розовыми бутонами первоцветы с желтой сердцевинкой, гордый чертополох вздымал вверх пики и крупные, еще не распустившиеся головки, жел-

тые и пурпурные. Бледно-голубые колокольчики на изящных тонких стеблях, любимые цветы Лейтис, кивали головками. Хрупким цветам было трудно выжить и еще труднее цвести.

С одной стороны лощину защищали густые леса. Холм венчали толстоствольные сосны, что придавало пейзажу величие. Отсюда открывался прекрасный вид на долину. Здесь она искала своего дядю, зная, что это его любимое место. Она все поднималась вверх по тропе, уклоняясь от низко нависавших веток и продираясь сквозь подлесок.

Самая вершина холма была голой, как лысое человеческое темя. Когда-то здесь стояла, как лесной часовой, гигантская сосна. Но много лет назад в нее ударила молния, и она рухнула на землю с такой силой и грохотом, что земля содрогнулась.

Справа от нее был Гилмур. Окутанный утренней дымкой, он казался таким, как прежде, и, прижмурив глаза, она могла бы вообразить, что из четырех его труб поднимается дым, а двор замка полон людей, занимающихся своими делами. По ее желанию призраки оживали.

Но приземистый форт, выросший рядом с замком, при всем желании нельзя было не заметить.

Слева от нее по округлым склонам холмов раскинулся лес, дальше его волнистая линия полого спускалась в соседнюю долину. Впереди было озеро, а дальше залив, ведущий к открытому морю. Ей говорили, что море огромное, по нему неделями плывут корабли, не встречая суши. Но наградой

за долгие странствия было знакомство с местами, названия которых звучали таинственно, загадочно и почти пугающе, – Константинополь, Китай, Марсель.

Лейтис раздвинула нависшие ветви и увидела Хемиша, стоявшего на вершине холма с вызывающим видом. Он был одет в килт своего клана и держал под мышкой сморщенный пузырь волынки. За его спиной возвышался недавно воздвигнутый форт Уильям. Шаловливый и непочтительный ветер поднимал сзади полы его юбки, но, похоже, его не беспокоило, что англичане могут видеть его голый зад.

– Ты делаешь глупость, дядя, – сказала Лейтис резко. Он хмуро взглянул на нее, и его лицо казалось особенно свирепым, когда кустистые седые брови, походившие на жирных гусениц, сошлись на переносице.

– Я не позволю отчитывать себя девчонке, – сказал он с яростью. – Особенно если речь идет о волынке.

– Уже много лет, как я перестала быть девчонкой, дядя. И ты это знаешь. – Лейтис уперлась кулачками в бедра и прожигала его взглядом. – Сейчас игра на волынке приравнивается к предательству. Это запрещено законом. Или ты забыл об этом?

– Английские законы! Я их не признаю! – Он выпрямился во весь рост и уставился на нее.

Ей тяжело было смотреть на него. Когда-то он был здоров как бык, а за последние два года съезжился. Его борода поседела под стать волосам. Но взгляд все еще сохранял упор-

ство и неукротимость.

– В клане есть люди помоложе тебя, дядя, и они не заслуживают страданий.

Она знала, что англичане будут насаждать свои законы, невзирая на вызов и заносчивость шотландцев.

Она знала, что английские солдаты никогда не уйдут из форта Уильям. Как ни грустно, но она давно это поняла, а Хемиш все еще не осознал.

– Уходи. – Она мягко потянулась к нему и коснулась его руки.

Но он уже не слушал ее, напротив, отвернулся и снова заиграл на своей волынке. Она посмотрела на него, а потом на форт Уильям за его спиной. Солдаты высыпали из форта, как колония красных муравьев. Как это ни глупо, ей хотелось, чтобы они не слышали звука его волынки.

– Англичане идут, – сказала она.

Это означало новые угрозы, новые акции жестокости. Что предпримет майор Седжуик сегодня? Отберет их скот? Они давно его потеряли – и коров, и овец. Потравит их посевами? И это уже было. Отнимет их имущество? Он уже обчистил всю их деревню до нитки, изъяс у них все ценное, что они не успели припрятать в соседних пещерах.

– Ты должен спрятать волынку. – Она старалась подавить желание сказать дяде что-нибудь резкое. Но сердиться на него бессмысленно. В каком-то смысле он все еще жил в прошлом, когда Макреи были некоронованными королями этой

страны. – И сам спрячься, Хемиш, спрячься как следует, – предупредила она.

Она оставила его, ушла без оглядки, не зная, принял ли он ее совет. Хемиш поступил бы по своему усмотрению, несмотря на все ее уговоры и веские доводы.

Когда Лейтис спустилась с холма, английские солдаты добрались до деревни. Тех, кто не успел быстро собраться, грубо выволакивали из домов. В деревне оставалось всего двадцать семь жителей, хотя в прежние времена их было более трехсот. Но то было в пору ее юности, когда единственными англичанами в Шотландии были войска генерала Уэйда, строившие дороги.

Она быстро направилась к центру деревни – месту сбора ее жителей. Майор Седжуик сидел верхом на лошади в окружении верховых офицеров. Он был одет, как обычно, в красный мундир, в котором казался почти квадратным. Отвороты мундира были подколоты булавками. На нем были синие бриджи, сапоги и пояс из буйволово́й кожи. Его золотистые волосы были собраны на затылке в косичку. Последние отблески солнца освещали его, пробиваясь сквозь темные клубящиеся облака.

Она подняла руку и крепче затянула на себе шаль, стараясь не поддаться яростному ветру и ощущая внутри холод, вызванный вовсе не погодой. Она посмотрела Седжуику прямо в глаза, когда его взгляд остановился на ней.

– Что они делают, Лейтис? – спросила подошедшая сзади

Дора.

Лицо пожилой женщины было напряженным и взволнованным.

Лейтис только неопределенно покачала головой.

– Что еще они могут сделать? – спросил Ангус, тяжело опираясь на палку и хмуро глядя на английских солдат.

Майор напоминал крысу своим узким лицом и острыми зубами. А приказы он выполнял с величайшим пылом. Ну, к примеру, следует научиться у англичан побеждать – заставь людей голодать, и у них пропадет желание бунтовать. Сначала они будут хоронить стариков, потом детей и очень скоро покорятся без всяких условий.

Она опустила глаза и уставилась на землю под ногами, желая только одного – чтобы он перестал смотреть на нее. Она старалась своим поведением не привлекать внимания англичан. Все женщины клана знали, как опасно оказаться в одиночку против сотни солдат в форту Уильям.

– Один из вас снова нарушил приказ о разоружении, – объявил майор.

Ответом ему было молчание, и он многозначительно улыбнулся.

– Где ваш музыкант, тот, что играет на волынке?

Хемиш уже не в первый раз прогневал англичан. И Лейтис опасалась, что не в последний. Но ни один человек не уличил его, ни один не предал. Хотя все знали, чего это может им стоить, они оставались немые.

Майор спешился и остановился, глядя на них, с перекошенным от гнева лицом.

– Вам нечего сказать? – спросил он, подходя к Ангусу. – Если бы я пообещал тебе сытный обед и пинту пива, старик, ты заговорил бы?

– Я старый человек, майор, – прохрипел Ангус. – Мой слух куда хуже вашего. Я ничего не слышал.

Седжуик несколько минут изучал лицо старика, потом двинулся дальше и остановился возле Мэри. Она баюкала на руках дитя, родившееся уже после гибели мужа.

– А вы, мадам?

Мэри покачала головой, потом прижалась щекой к покрытой младенческим пушком головке Робби.

– Я была занята своим ребенком, – ответила она тихо. – Я ничего не слышала.

Седжуик шел сквозь толпу собравшихся, и его лицо становилось все более и более грозным, потому что ни один из них не проронил ни слова о Хемише.

Глаза Лейтис все еще были опущены, и, когда он приблизился к ней, она увидела прежде всего его сапоги.

– А как насчет вас? Вы тоже были заняты своими делами? – спросил он тихо.

Она ничего не ответила, но покачала головой, мечтая только, чтобы он ушел и оставил ее в покое.

– Где этот волынщик? – Седжуик обернулся и обратился к клану.

Никто не ответил.

– Принесите мне факел, – сказал майор.

Один из солдат поспешил выполнить его приказ и вернулся с длинным пучком соломы, оторванным от кровли и скрученным в жгут. Седжуик подождал, пока его не запалили, потом схватил факел и поднял вверх.

– Какова цена вашей верности? – спросил он их. – Ваши дома? Ваши жизни? Сейчас мы посмотрим!

Он приблизился к ближайшему дому и поднес факел к низкой кровле. Она немедленно запылала. Ветер надвигающейся бури раздувал огонь.

К счастью, этот дом был нежилым. Его владельцы умерли прошлым летом.

Седжуик двинулся к соседнему дому. Лейтис молча смотрела, как горит ее жилище.

Ее мысли нельзя было прочесть, и, пока она не высказывала их вслух, ее нельзя было за них наказать. Она смотрела в землю, не в силах видеть, как огонь пожирает ее дом. И в эту минуту ее ненависть к англичанам, ко всем англичанам, была такой сильной, что грозила ее задушить. Но ее гнев не помог бы Хемишу и не остановил бы Седжуика.

Майор проследовал к следующему строению и с удовлетворением наблюдал, как вспыхнула его крыша. Все понимали: он не остановится, пока не спалит всю деревню.

Мало того, что Лейтис потеряла всех, кого любила. Но теперь и ее воспоминания, и то, с чем они были связаны, долж-

ны исчезнуть навсегда: глиняные горшки с синим узором, которые так любила ее мать, плед, хранившийся под матрасом, ткацкий стан – сидя за ним, она коротала долгие дни...

Ее гнев был под стать черным грозовым облакам, теперь скрывшим последний кусочек голубого неба и погрузившим день во тьму.

– Скажите мне, где он, – снова обратился к Лейтис майор Седжуик.

– Вы, англичане, не успокойтесь, пока не истребите последнего скотта в Шотландии. Верно? – не выдержала она. Лейтис вдруг почувствовала усталость от этой бесконечной покорности, не сулившей ничего, кроме новых и новых издевательств и жестокости. – Неужели мы так медленно умираем?

Майор ударил ее так сильно, что она упала на колени. Он стоял над ней, ожидая, пока она поднимется на ноги, несомненно, чтобы ударить снова.

– Я избавлю это место от гадов! – процедил он сквозь зубы. – Возможно, ты будешь первой!

Ему в ответ сверкнула молния, внезапно пронзившая тучу и, казалось, доставшая до земли. Всполох был столь ярким, что на мгновение ослепил ее. Секундой позже прогремел гром, и он был столь ужасен, что вполне мог сойти за голос Бога.

Лейтис протерла глаза, потом быстро заморгала, чтобы восстановить зрение. В воздухе пахло гарью, будто земля

разверзлась, и при вспышке молнии она увидела существо, как ей показалось, извергнутое сатаной из земной толщи.

При следующем всполохе она поняла, что это человек. Его черные волосы, как и у остальных англичан, были стянуты на затылке лентой. На нем был красный мундир и бежевый жилет, и на отвороте красовался нагрудный знак офицера. Его бриджи были тоже бежевыми, а белую рубашку украшали пышное жабо на груди и кружева на обшлагах.

Он не был ни плодом воображения, ни демоном, а всего лишь англичанином. Офицером в красном мундире, правда, не таким разряженным, как майор. На его жилете было поменьше пуговиц, и они были костяными, а не блестящими.

Неожиданно Лейтис захотелось увидеть его лицо. Он не обращал внимания на плясавшие вокруг молнии, будто они были всего лишь мелкой, хоть и досадной, неприятностью. Он поднял левую руку, и следовавшие за ним люди остановились.

Этот человек привык повелевать, привык к подчинению, и в это легко было поверить, видя, как слушается его строптивый конь. Он держал поводья свободно в правой руке, упревая левую в мускулистое бедро.

Майор Седжуик тихонько выругался и отстранился от Лейтис.

– Полковник, – Седжуик встал навытяжку, – я не ожидал вас ранее будущей недели.

Полковник ничего не ответил, но его взгляд не отрывался

от лица Седжуика. И внезапно Лейтис подумала, что не хочет, чтобы он смотрел так на нее, что она не хотела бы его прогневать. Будто услышав ее мысли, незнакомец взглянул на нее. У нее захватило дух.

У него было суровое лицо и квадратная челюсть, а плотно сжатые губы придавали его лицу решимость. Его взгляд был настолько прямым, что Лейтис показалось, будто он видит ее насквозь, знает все ее тайны и догадывается о ее молчаливой непокорности. У него были высокие, четко очерченные скулы, а губы сжаты так плотно, что казались очень тонкими. Она поняла, что он разъярен.

Полковник показался ей очень опасным.

Она отступила на шаг от Седжуика. Минутой позже незнакомец, будто повинувшись ее тайному желанию, отвел от нее взгляд. И только тогда она осмелилась перевести дух.

Глава 2

Лейтис! Он мгновенно узнал ее, хотя заставлял себя не думать о ней по дороге из Инвернесса, убеждая себя, что она наверняка давно вышла замуж и уехала отсюда.

Подъехав к ней, он торопливо спешил. Лейтис отшатнулась, когда его руки легли ей на плечи и помогли подняться. Он помрачнел, увидев шишку на ее подбородке. Это был свежий след удара Седжуика.

– С вами все в порядке? – спросил полковник.

Она кивнула, отворачиваясь, чтобы смотреть не на него, а на войска, окружившие кольцом деревню.

Губы у нее нежные, щеки покраснелись... С возрастом ее волосы потемнели. Теперь они были не ярко-рыжими, а скорее каштановыми с рыжеватым отливом, но все еще вились и ниспадали на плечи, а на затылке были перехвачены лентой. Она носила ленту на девичий манер, как когда-то, еще ребенком. Ее глаза... эти удивительные бледно-голубые глаза! Ну конечно, такие глаза могли быть только у нее.

– У вас будет синяк, – сказал он мягко, вглядываясь в ее черты.

Она повернула голову и посмотрела ему прямо в лицо. И взгляд ее выразил чувства, в которых не приходилось сомневаться. Ее глаза были полны ненависти, а губы гневно сжаты.

– Мне случалось испытать и худшее, полковник. Время не

смягчило ее характер. Она оставалась такой же дерзкой. Но возможно, последний год принес ей одни несчастья. А слабые, как он знал, не выживают. Алек повернулся, оглядывая солдат.

– Кто здесь главный? – спросил он.

– Я, сэр, майор Мэтью Седжуик. – Один из них выступил вперед.

– Потрудитесь объяснить, майор, что здесь происходит, – приказал Алек. Его голос был хриплым от ярости.

– Она шотландка, сэр, – смущенно ответил Седжуик, – и не знает, где ее место.

– Ударить женщину может только трус, но не офицер, – возразил Алек.

Лицо майора потемнело, но он промолчал.

– Почему вы подпалили деревню, майор Седжуик? – спросил Алек. – Или причина лишь в том, что здесь живут шотландцы?

Брови Седжуика сошлись на переносице.

– Этих негодяев следовало усмирить и проучить. Несмотря на наши предупреждения, они продолжают укрывать и защищать известного пособника бунтовщиков, точнее, волынщика.

Алек обернулся через плечо на сбившихся в стайку крестьян. Среди них не было ни одного молодого здорового парня, в основном женщины, дети и несколько стариков.

А куда же подевались Джеймс и Фергус? Должно быть,

они погибли, как и другие члены клана, которых он знал еще ребенком?

– Разве не лучше найти смутьяна, майор? – спросил он. Он сделал знак адъютанту. Харрисон спешился и подошел к нему.

– Прикажите потушить пожар, и пусть солдаты найдут, в чем носить воду. – Он указал на ручей, пересекавший лощину. – Надо выкопать канаву между охваченными пламенем домами и теми, куда огонь еще не добрался.

Харрисон кивнул и отправился выполнять поручение.

– Я обязан следить за горцами, сэр, – сказал Седжуик с раздражением. – Эти варвары шотландцы не заслуживают милосердия. Сам Камберленд отдал приказ, что каждый, кто оказывает содействие врагу, заслуживает виселицы.

– Я прекрасно осведомлен о приказе герцога, Седжуик, – кратко отозвался Алек. – Вы желаете мне напомнить о моем долге?

Седжуик благоразумно промолчал.

– Я прошу прощения за действия этого человека, – обратился Алек к Лейтис. У него возникло странное желание – дотронуться до ее щеки, погладить, избавить от боли.

Ее, казалось, удивили его слова, но она промолчала. Почему? Чтобы не вызвать его гнева? Он почувствовал, как в нем снова поднимается волна раздражения против Седжуика.

Солдаты выстроились в ряд до самого ручья. Когда сель-

чане поняли, что происходит, они тоже зашевелились и стали нести кто что может: ведра, бутылки, миски, кувшины — все, в чем можно было донести воду, чтобы попытаться спасти собственные и соседские дома. Алек видел, что и Лейтис присоединилась к этой цепочке, оглянувшись на него, прежде чем приняться за работу.

Молния снова черкнула по почерневшему небу, сопровождаемая громовым раскатом. Ощущение было странным, будто время остановилось. Лейтис подняла руку и изящным движением отвела локон от щеки. Она повернулась, взяла ведро из рук соседа и передала его стоявшему впереди. От быстрого движения ее юбка приподнялась, обнажив лодыжки и обозначив женственную округлость бедра. Но ее глаза были опущены и все внимание обращено на работу. Алеку показалось, что она намеренно не хочет смотреть на него. Она его отторгала от себя, и это было вполне естественно, но он воспринимал это болезненно. Он сразу узнал ее, она же упорно не смотрела ему в лицо, не поднимала глаз.

Тут полил дождь, и это отрезвило Алека. Черный дым пожара поднимался в небо извилистой серой лентой. Воздух, напоенный влагой, пахнул остро и удушливо горелой соломой кровель крестьянских хижин.

Хемиш Макрей стоял на гребне холма и смотрел на пожар. Он гордился тем, что ни один человек из клана не уличил и не выдал его.

Он поправил пузырь волынки, которую держал под мыш-

кой, и выровнял меховую сумку, укрепленную на животе. На нем был плед цветов клана Макреев, что тоже считаюсь непростительным прегрешением.

У него не оставалось выбора. Он должен пойти и сдаться самому или позволить сжечь всю деревню.

Он спустился с холма, чувствуя удивительный подъем, и пошел по тропинке через лес.

Он поправил свою сумку, чтобы та не съезжала, а также плед, липкий от меда, которым был промазан пузырь, чтобы в него не проникал воздух. Три трубы волынки лежали у него на плече. Он подул в одну из них и принялся перебирать пальцами дырочки в трубе, то зажимая их, то открывая.

Волынка предназначена для игры на воздухе, на открытом пространстве, чтобы Бог на небесах слышал эту сладкую музыку. Хемиш надеялся, что Бог его слышит, и принялся играть.

Громовые раскаты наконец смолкли, будто природа утомилась от этого адского шума. Но воздух был все еще белесым от влажных испарений.

Платье Лейтис промокло за несколько минут, его подол волочился по жидкой грязи. Влажные волосы свисали вдоль спины. Глаза резало от едкого дыма.

Не было ни малейшей надежды спасти ее дом, но Лейтис все же передавала полные ведра Ангусу и натужно улыбалась, когда он бросал на нее взгляд через плечо.

Когда огонь разгорелся вовсю, от жара стекло и горшки

стали лопаться, и каждый звук отдавался в ушах и сердце Лейтис пушечным залпом.

Но что ей оставалось делать? Возможно, это послужит ей уроком, как сохранить силу и надежду, и потому она работала еще долго после того, как остальные от усталости перестали носить воду и отошли в сторонку.

Наконец, Ангус положил ей руку на плечо, стараясь молча ее утешить. В его глазах Лейтис прочла жалость. Она кивнула и вышла из цепочки тех, кто пытался потушить пожар. Подойдя к руинам своего жилища, она остановилась у двери, пытаясь увидеть, что внутри. Покрытые мохом стены выдержали и выстояли. Скреплявший их раствор только посерел от дыма. Но внутри все почернело, а мебель превратилась в пепел, в котором кое-где блестели лужицы расплавленного стекла. Капли дождя шипели, падая на раскаленные угли, и этот звук казался ей горестным вздохом.

У нее не осталось дома.

Лейтис умом понимала это, но почему-то ее чувства отказывались поверить в происшедшее. Она смотрела на пепелище, на страшные следы разрушения, не в силах полностью осознать то, что случилось.

Какое-то движение рядом заставило ее поднять голову. Она увидела английского полковника. Его лицо и волосы были мокры от дождя. Как ни странно, но его присутствие вернуло ее к реальности, и она осознала, что ее дом уничтожен. И внезапно ощутила острую боль.

Он ничего не сказал, только продолжал смотреть на нее, будто изучая, и этот пристальный взгляд смущал Лейтис.

Его лицо почему-то приковывало ее к себе, казалось, что-то в нем было ей знакомо. Но она знала, что никогда прежде его не видела. А если бы видела, то непременно вспомнила бы.

– Я пришлю людей помочь вам спасти то, что еще возможно, – сказал он.

Она снова попыталась заглянуть внутрь дома.

– Вы сможете возместить посуду, оставшуюся от моей матери? – спросила она. Эти слова вырвались у нее стремительно и бездумно. – Или серебряный браслет, мое приданое? Или мой ткацкий стан? Сможете возместить мне это?

С минуту он пристально смотрел на нее, давая ей время подумать о последствиях этих слов. Что еще он мог отобрать у нее? Ее жизнь? Что у нее осталось от этой жизни? Сны, в которых она будет видеть то, чего более не существует? Все, что было ей дорого, у нее отняли, и последним были мелочи и безделушки – напоминание о более счастливых временах, но теперь они превратились в неузнаваемые спекшиеся и еще дымящиеся куски керамики или металла.

Кажется, для того чтобы усугубить тягостность этой минуты, Хемиш снова заиграл на волынке. Этот мотив не был печальным, что вполне соответствовало бы обстоятельствам, нет, это был марш Макреев, который в былые годы звучал призывом к бою. И теперь ей предстояло потерять последне-

го оставшегося в живых родственника. Она в ярости смотрела на дядю, но Хемиш не обращал на нее внимания и продолжал играть гимн собственной смерти.

Глава 3

При первых же звуках волынки, скрежещущих и резких, Алек круто обернулся.

Человек в килте в красно-черно-белую клетку стоял на склоне холма. На плече у него покоились трубы волынки, и их звуки, переплетаясь, объединились в определенный мотив. В последний раз Алек слышал звук волынки в Куллодене, и ему неприятно было вспоминать об этом. Теперь дол отозвался эхом, возвращая эту музыку, как и холмы и скалы, многократно умножающие звук.

Лицо волынщика изменилось, он постарел, его спина согнулась, будто годы давили на него всей своей тяжестью. Но Алек узнал его, человека из собственного детства, Хемиша Макрея.

Несколько английских солдат бросились наперерез скотту, но тот и не пытался скрыться. Вместо этого он упрямо спускался с холма и вызывающе играл на волынке.

– В отваге ему не откажешь, – спокойно сказал Харри-сон за спиной Алека.

– Есть большая разница между бравадой и отвагой, – сухо возразил Алек.

– Уймите его! – закричал майор Седжуик.

Едва солдаты схватили волынщика, как мелодия тотчас же прервалась, и только жалобный умирающий звук еще

дрожал в воздухе.

Алек направился к Седжуику, оглядывая пленника.

– Отведите его в тюрьму, – распорядился майор, потом искоса посмотрел на Алека. – Если только, полковник, вы не хотите допросить его прямо здесь, – добавил он.

Алек покачал головой.

Хемиш сосредоточил все свое внимание на Седжуике.

– Вам нужен я, – сказал он, – а не они. Если, конечно, англичане не предпочитают воевать с женщинами и детьми.

Алек намеренно встал между Хемишем и Седжуиком. Если майор мог ударить женщину, то поднял бы руку и на старика. И, судя по выражению лица майора, он был весьма близок к этому.

– Возможно, будет лучше, майор, если вы вернетесь в форт, – сказал Алек сдержанно. – Я присмотрю за пленником сам.

На мгновение ему показалось, что майор будет протестовать. Казалось, невысказанные слова душили его. Но Алек был закаленным солдатом, оставив дом в восемнадцать лет по воле своей бабки со стороны отца, и с тех пор служил в армии. Он знал, как обращаться со строптивыми офицерами, и был готов к этому.

Наконец, Седжуик кивнул и зашагал прочь, но напряженная осанка выдавала его гнев.

Алек следил за ним, пока он не поднялся по склону холма и не поскакал к форту Уильям.

Он повернулся к двоим солдатам.

– Подержите этого человека здесь, пока не затушат пожар, – сказал он. – А потом препроводите его в тюрьму.

– Полагаю, что вы нажили себе врага, сэр. – Харрисон, подходя к нему, кивнул в сторону удалявшегося Седжуика.

Алек посмотрел на своего адъютанта.

Томас Харрисон, его адъютант с тех самых пор, как они встретились во Фландрии, был самым трезвомыслящим из его офицеров. От него редко можно было услышать слово, если он мог обойтись жестом. Алек вполне полагался на его скромность. Только Харрисон и его помощник сержант Тэннер знали тайны его прошлого.

Харрисон при всех его достоинствах был на редкость непривлекательным. У него был широкий нос и острый подбородок, а глубоко посаженные орехового цвета глаза смотрели на мир внимательно и подозрительно.

Если их отношения были не слишком теплыми, то только из-за сдержанности Алека. Он сознавал свой долг, груз ответственности и недостаток опыта для того, чтобы обладать правом посылать своих людей в бой. И все же бывали минуты, когда его отношения с адъютантом становились почти дружескими.

– Я мог предполагать, что мое появление здесь его не обрадует. Ведь до моего прибытия он был начальником здешнего гарнизона, – согласился Алек.

– Нелегкую задачу возложили на вас, полковник, – сказал

Харрисон.

– Распоряжения Камберленда никогда не бывают легкими, и выполнить их без определенных усилий невозможно, – ответил Алек.

Не взглянув на Лейтис, он сел на лошадь и повернул к форту Уильям. Харрисон ехал рядом.

Форт Уильям, строение из красного песчаника, примостился рядом с Гилмуrom и был обращен тыльной стороной к морю.

Здание форта было выстроено в форме незамкнутого четырехугольника, и его фасад выходил к мосту через лощину.

– Вот так уродство! – Адъютант даже не пытался смягчить свои слова.

– Зато какое выгодное местоположение, – с улыбкой возразил Алек.

Он сразу оценил особенности здания, присущие всем фортификационным сооружениям, воздвигнутым англичанами в Шотландии. Десять бойниц для пушек смотрели на лощину, от фасада вниз устремлялся склон, и пушки окружало двойное защитное кольцо внутренних и внешних стен, между которыми располагался земляной вал, служивший барьером от огня и шума. Разумеется, со стороны моря форт тоже был защищен пушками.

Алеку еще предстояло проинспектировать форт и познакомиться с солдатами гарнизона, войти в курс дела. Но Алек медлил и смотрел на руины замка справа от форта.

Взгляд Харрисона обратился туда же.

– Замок Мрака, – сказал он с улыбкой.

– Гилмур, – поправил его Алек.

Он подъехал ближе, против воли влекомый воспоминаниями, связывавшими его с этим местом.

– Сколько времени потребовалось, чтобы его разрушить? – спросил Харрисон, глядя на руины.

В ответ Алек только покачал головой. Судя по пятнам на кладке, походившим на заплаты, майор Седжуик и его люди, исчерпав запасы песчаника, использовали кирпичи и камни замка Гилмур для завершения строительства форта. Груды щебня и битого кирпича так и лежали во дворе замка, где их бросили строители. Надворные постройки были разрушены, от них не осталось даже следов.

Алек спешил, не отрывая глаз от руин замка. Крыши уже не было, а высокая стена фасада уменьшилась вдвое.

Всего за год дожди и холода завершили начатое. Кирпичи, которыми стены были выложены изнутри, потеряли свой теплый охряной цвет и приобрели зеленоватый оттенок там, где были покрыты мохом.

Он ступил туда, где когда-то был парадный зал клана. Дождь хлестал по побитому и стертому деревянному полу, и это усугубляло печальный вид развалин. Щиты и палаши, некогда украшавшие западную стену, исчезли. Ребенком он взирал на них с трепетом – их вид и восхищал, и пугал его. На ныне пустом месте когда-то стоял кованый сундук, где его

дед держал пледы, охотничьи тартаны² и парадные килты.

В передней части зала, там, где лэрд обычно держал совет, когда-то стояло резное деревянное кресло, которое казалось юному Алеку тронem. Теперь и оно исчезло, и только светлый квадрат на полу напоминал о нем.

Каждый шаг по обломкам кирпича и дерева вызывал у Алека поток воспоминаний. Харрисон следовал за ним в отдалении, понимая или догадываясь, как тяжелы для его начальника эти минуты.

Гилмур был построен в форме буквы «Н». Замок и монастырь как бы поддерживали друг друга, соединенные арочным переходом, теперь тоже полуразрушенным и открытым всем ветрам.

Алек осторожно ступил на порог часовни. Его не пугало, что остатки кровли и стен могли обвалиться, – они выглядели достаточно прочными. Он боялся только осаждавших его воспоминаний, и, как он и ожидал, они пробудились.

Внезапно он снова почувствовал себя восьмилетним мальчиком.

– Перестань ерзать, Алек, – шептала мать, склоняясь к нему и приглаживая нежной рукой вихор у него на темени. Она постоянно прикасалась к нему – проводила рукой по волосам, поглаживала его щеку, клала руку на плечо. Сегодня он видел ее в кружевном шарфе, прикрывавшем голову, и с

---

² Тартан – клетчатая шерстяная или шелковая ткань со специфическим рисунком, шотландка.

улыбкой, очень похожей на ту, что он видел на лице Богоматери – ее статуя стояла близко от их скамьи.

– Но Фергус собирается мне показать, как ловить руками форель, – отвечал он шепотом. – А мы сидим здесь уже так долго!

Мать улыбалась и с укором молча качала головой. Он вздыхал, как любой нетерпеливый ребенок на его месте, и покорно выдерживал еще час службы.

Алек нагнулся и поднял доску, валявшуюся на кирпичах, смахнул с нее пыль и грязь. Это оказался резной фрагмент алтаря. Алек посмотрел туда, где некогда возвышался алтарь, но увидел только груды кирпичей. Он выпустил резную деревяшку из рук, и она со стуком упала на пол.

Ставни пропали, вместо семи некогда существовавших здесь арок сохранилось только четыре. Из них открывался вид на рябое от все еще поливавшего дождя озеро. Обломки кирпича и штукатурки хрустели под сапогами, пока Алек возвращался через арочный проход в зал клана.

По другую сторону, в самом отдаленном от форта Уильям углу замка, находились спальные покои. Алек толкнул дверь в спальню деда. Пришлось сильно пнуть ее ногой, так как обломки кирпича и камня мешали ее открыть. Наконец дверь жалобно закрипела и неохотно открылась, и он в изумлении остановился на пороге. Комната выглядела так, будто обстрелы англичан не сказались на ней.

Потускневшая и грязная, она осталась почти нетронутой.

На стенах все еще были тисненные обои, когда-то выписанные дедом из Франции, чтобы удивить и порадовать жену. Алек провел пальцем по маленькой кремовой с золотом розочке, припоминая, когда в последний раз был в этой комнате.

Он отбывал в Англию, и карета ждала его. Он неохотно пришел сюда за дедом. В последнюю неделю после убийства его матери они почти не разговаривали, потому что Алек заперся в своей комнате и отказывался выйти.

– Я хочу кое-что дать тебе, Йен. – В тот день дед передал ему маленькую, обитую шелком деревянную шкатулку. Ее крышка была богато украшена вышивкой. Он тотчас же узнал работу матери – на крышке были вышиты маленькие цветки чертополоха.

Он с ужасом смотрел на шкатулку, зная, что этот подарок, приготовленный ею ко дню его рождения, она обещала вручить ему, вернувшись с верховой прогулки. Он осторожно открыл шкатулку и нашел уютно угнездившуюся в складках шелка брошь клана Макреев. Она была золотой и ярко сверкала в лучах утреннего солнца. На ней над рукой, сжимающей меч, был выбит девиз Макреев: «Fortitudine!» – «Твердость!»

Он вернул бы ее деду и молча ушел из комнаты, но подарок был от матери. Как ни странно, эта брошь – символ клана – стала для него талисманом и оставалась им долгие годы. У него вошло в привычку всегда держать ее при себе. Она покоилась во внутреннем кармане его жилета всегда, он не

расставался с ней в любом сражении.

Йен поднял глаза на потолок с лепниной работы итальянского мастера. Карниз почти не пострадал, и на нем тоже повторялись чертополох и меч – символы воинской доблести Макреев.

Его дед мчался на коне, как баньши³, вырвавшаяся из ада, так метко метал кинжал, что попадал в глаз паука, и мог выпить больше любого члена клана, но при этом обладал врожденным чувством прекрасного.

Одну из стен занимал огромный камин, и Алек подумал, сильно ли он пострадал или тяга еще работает. Дверь в южной стене вела в короткий коридор и в спальню.

У стены стояло массивное ложе, где появились на свет бесчисленные поколения Макреев и встретили смерть многие из них. Покрывало было все в дырах, вероятно, их прогрызли мыши. Он надавил обеими руками на просевший матрас. Поддерживавшие его веревки были еще крепкими, и матрас легко можно было набить соломой заново.

Эта постель была просто фантастической роскошью по сравнению со спартанскими походными койками, к которым он привык за долгие годы службы. Если улечься на этом ложе, то впервые за долгие годы его ноги не будут свешиваться через край. И ему не придется, как обычно, цепляться руками за края походной койки, чтобы ночью не свалиться на

---

³ Баньши – мифическое существо в кельтском фольклоре, женщина с громовым голосом, обычно предвещающая смерть.

землю.

– Я поселюсь здесь, – сказал он адъютанту. Харрисон хмуро смерил взглядом кровать, посмотрел на грязь на полу.

– Здесь нет ничего, кроме мышей, – сказал он.

– А ты смотри в корень, Харрисон, – возразил Алек, улыбаясь. – Представь, как здесь было раньше.

Алек вышел из комнаты, громко топая по полу зала и легко переступая через кучи мусора.

Да, англичане завоевали эту землю. Но зато скотты населили ее своими воспоминаниями. Он предполагал, что ему будет тяжело вернуться в Гилмур, но до этой минуты не знал, насколько это больно и мучительно.

Однако нужно хранить в тайне свое происхождение. Никто не должен знать, что Мясник из Инвернесса наполовину шотландец.

Глава 4

– Нужно что-то делать, – сказала Лейтис, – а иначе они его убьют.

Все оставшиеся члены клана собрались в доме Хемиша. Он был на удивление опрятным и чистым для одинокого вдовца. Нигде, начиная от деревянных скамеек и кончая полками, висевшими на стене, не было ни пятнышка, ни соринки, ни пылинки. Тарелки и миски были составлены стопкой на полке над столом, а постель аккуратно заправлена.

В вазе на подоконнике стояло несколько цветков – обычное зрелище для весны или лета. Лейтис всегда считала, что букет на подоконнике Хемиша был знаком уважения к покойной жене и памяти о ней, потому что и сама она так же чтит память своих дорогих усопших.

Люди, стоявшие вокруг, осмелились не выдать Хемиша англичанам, но они не собирались его прощать. Ведь сегодня сожгли не только домик Лейтис. Бездомными стали и Малькольм, и Мэри с сынишкой.

– Хемиш сам сделал выбор. Он сам пошел и сдался англичанам, – упрямо заявил Малькольм. – А теперь ты хочешь, чтобы мы его спасали!

– Значит, ты предпочитаешь, чтобы его повесили, Малькольм? – спросила она спокойно.

Она изучила лица этих людей, она знала их всю жизнь. В

прошлом году они лишились всего.

– Ни один человек больше не должен умереть, – сказала она тихо. – Даже если он поступил глупо.

– Седжуик не станет нас слушать, – возразила Дора. – Или ты забыла, как он поступил с тобой?

Она уставилась на синяк на щеке Лейтис. Дора была для Лейтис как вторая мать. Но это не значило, что их отношения всегда были мирными и легкими.

– Может быть, полковник нас выслушает, – предположила Лейтис.

При этом замечании Малькольм возмутился.

– Да с какой стати? Он просто еще один англичанин, – запальчиво выкрикнул он.

– Он спас нашу деревню, – ответила Лейтис.

На это Малькольму было нечего возразить, и он промолчал.

– Он выслушает нас, если мы придем к нему все вместе. – Лейтис тщетно, но отчаянно пыталась убедить их.

– Это приведет только к тому, что большинство из нас погибнет, – возразил Алисдэйр.

– Прекрасно! – Лейтис вытерла внезапно вспотевшие ладони о юбку. – Тогда я пойду одна.

Она надеялась пробудить в них мужество, но вместо возражений услышала изумленное молчание. А минутой позже все громко запротестовали.

– Ты не можешь вести себя так глупо, Лейтис, – укорила

ее Дора.

– Женщина одна против всех этих англичан? Да ты просто рехнулась, Лейтис! – вмешался старый Питер.

Лейтис посмотрела на старика. Питер любил высказываться по любому поводу, и для него не имело значения, были ли смысл в его речах. Члены клана привыкли не обращать на него внимания.

– Хемиш не поблагодарит тебя, если ты ради него принесешь себя в жертву, – сказал Алисдэйр.

– Я сознаю, что это опасно, – ответила Лейтис спокойно. – Но выбора нет.

Дора шагнула к ней, внимательно вглядываясь в ее лицо.

– И ты полагаешь, англичане просто отпустят его, если ты попросишь?

– А ты думаешь, Дора, что я не попыталась его освободить только потому, что меня ждут неприятности? – возразила Лейтис, отвечая Доре столь же пристальным взглядом.

Дора отвела глаза и теперь смотрела куда-то в сторону.

– Никто из вас не пойдет со мной? Неужели все стали такими трусами? – спросила Лейтис, и на мгновение все умолкли.

– Не стыди нас, Лейтис Макрей, и не распускай язык. Она повернулась и взглянула на Питера.

– Я задала честный вопрос, Питер. Неужели мы утратили свою отвагу?

– Не каждый башмак годен на любую ногу, – возразил он.

Лейтис хмуро посмотрела на него. Его высказывания становились с каждым разом все более нудными и бессмысленными.

Мэри выступила вперед. Ее муж был убит при Фалкерке. Ребенок у нее на руках был самым младшим в клане, он родился уже после гибели своего отца. Она подошла к Лейтис и встала рядом.

– Я пойду с тобой, – сказала она спокойно и твердо.

– И я. – Малькольм подошел к Лейтис и встал рядом с ней с другой стороны, не переставая теревить свою бороду.

Его белоснежная остроконечная борода доходила до пояса в знак того, что он самый старый член клана.

– В таком случае вы все дураки, – сказал Питер. – Точно такие же, как Хемиш.

И он вышел, не прибавив больше ни слова. Минутой позже за ним потянулись остальные, хотя многие, уходя, оглядывались и их лица выражали раскаяние.

Лейтис оглядела оставшихся. В ненастные дни, такие, как сегодняшний, распухшие суставы нещадно донимали Аду, но Лейтис улыбнулась, чтобы подбодрить ее и Малькольма, левая рука которого была парализована.

Мэри подошла к Доре и передала ей свое спящее дитя.

– Присмотришь за моим сыночком, пока я не вернусь? – Она наклонила и нежно поцеловала ребенка в щечку.

– А если ты не вернешься? – резко спросила Дора. Мэри гордо вскинула голову.

– Тогда ты ему скажешь, что я была такой же отважной, как его отец.

– Я о нем позабочусь, – ворчливо согласилась Дора. – Как о своем собственном. – Она перевела взгляд со спящего младенца на Лейтис. – Твоя семья не одобрила бы этого, Лейтис, – сказала она шурясь. Это было ее последнее предупреждение с целью уязвить девушку побольнее.

Лейтис глубоко вздохнула, призывая на помощь всю свою отвагу и жалея, что она не так тверда, как хотелось бы.

– Хемиш и есть моя семья, Дора, – ответила она тихо и с вымученной улыбкой вышла.

Патриция Энн Лэндерс, графиня Шербурн, сидела подле своего мужа, и его рука покоилась в ее нежных и теплых ладонях.

Спальня была затенена плотными шторами, чтобы спастись от жарких лучей послеполуденного солнца. День был погожим, ясным, и на небе не было и намека на облачко – оно сияло яркой синевой. Слабый ветерок, напоенный пьянящим ароматом цветов, покачивал покрытые густой и пышной листвой ветви деревьев и кустарников.

Она приказала отдернуть шторы и открыть окна, чтобы Джералд в последний раз мог насладиться видом Брэндидж-Холла в летнее время. Но этот день должен быть мрачным и дождливым, пронизанным холодными ветрами, потому что ее муж лежал на смертном одре.

Поместье Шербурн было прелестным уголком благодаря

любви Джералда к древностям. И эта комната всю его жизнь оставалась неизменной, ревниво охраняемой реликвией, да- нью тем дням, которые он прожил здесь со своей первой же- ной, Мойрой.

Стены были обиты бургундским шелком, лепные карнизы цвета слоновой кости оттеняли потолок. Пол был цвета жа- реных каштанов и так хорошо отполирован, что в нем отра- жались изящно выгнутые ножки французской мебели. Хруп- кий столик, богато инкрустированный, находился в одном углу комнаты, а платяной шкаф, увенчанный резной доской с изображением цветов, стоял напротив. Постель Джералда с балдахином, укрепленным на мощных столбах, с высоким изголовьем была главным предметом обстановки.

Стену у постели украшала картина, которую муж Патри- ции приобрел во время последней поездки на континент: ряд серых мрачных ступеней вел к берегу реки. Вероятно, этот пейзаж имел особое значение для Джералда, но сам он ни- когда не говорил об этом, а она не спрашивала. Некоторые вещи были для них запретной темой, не подлежащей обсуж- дению.

Как, например, портрет над каминной полкой.

Она взглянула на него, уже не впервые за последние несколько часов. В первые годы брака с Джералдом она не возражала против присутствия здесь этого портрета, потому что согласилась выйти замуж скорее из деловых и денежных соображений, чем по любви. Его поместье граничило с зем-

лями ее отца, а его богатство значительно превосходило те незначительные средства, что хранились в шкатулках ее семьи и быстро иссякали.

Но брак, в который она вступила по расчету, за долгие годы их совместной жизни стал счастливым, во всяком случае, для нее.

Однако Джералд вечно отсутствовал и твердо отстаивал свое право вести активный и подвижный образ жизни. Он предпочитал несколько месяцев в году проводить в Лондоне или в другом своем имении для смены впечатлений. Словно желая заставить ее примириться, с его частым отсутствием, он был очень щедр, оставлял ей много денег и приветствовал ее траты и деятельность, которые могли доставить ей удовольствие. Как будто деньги могли заменить ей мужа, любви которого она жаждала. Но если уж он не мог любить ее, то дал ей по крайней мере сына Дэвида, который стал радой ее сердца.

Дыхание Джералда становилось все более хриплым, и в комнату внесли еще несколько горшочков с камфарой и поставили ему на грудь горчичный пластырь. Но он сорвал его, пожаловавшись на жжение. Болезнь навалилась на него внезапно и так стремительно, что Патриция не успела подготовиться к такому печальному исходу.

– Тебе надо поспать, любовь моя. – Она встала и запечатлела поцелуй у него на лбу. Лоб был влажным и холодным, словно кризис миновал. Взяв со стола салфетку, она нежно

отерла его лицо. — Когда ты отдохнешь, я позову Дэвида.

Джералд открыл глаза и медленно повернул голову. Его улыбка была слабой и легкой, как тень. Патриция нежно приложила ладонь к его щеке. По восковому цвету лица она могла судить, что времени осталось мало.

— Отдохни, Джералд, — сказала она нежно.

— Алек, — прошептал он. Это имя прозвучало тихо, как вздох.

— Я послала бы ему весточку, Джералд, но не знаю куда. Он слабо покачал головой.

— Поздно, — прохрипел он, и попытка заговорить отняла у него последние силы. — Скажи ему...

— ...что ты его любишь, — перебила она. — Что ты всегда гордился им.

Он слабо кивнул.

Чуть позже он заговорил снова. Она низко склонилась над ним, чтобы услышать.

— Скажи ему, чтобы позаботился о Дэвиде, — прошептал он.

Она кивнула и прижала пальцы к его холодным губам.

— Я все сделаю, — сказала она, стараясь успокоить мужа.

Алек вовсе не обязан заботиться о своем единокровном брате. Единственным наследником состояния Шербурнов был старший сын, Алек. Что же касается второго сына, то по законам Англии он должен сам пробиваться в жизни.

Патриция снова бросила взгляд на портрет. Даже теперь

она не могла возненавидеть изображенную на нем женщину, но завидовала ей.

Мойра Макрей Лэндерс была красавицей, и ее синие глаза светились живостью и страстью. Художник запечатлел ее сидящей на зеленой траве в сапфирово-синем костюме для верховой езды. Ее рука покоилась на плече сына, и карие глаза Алека сияли от счастья.

Патриция склонила голову к мужу. Уже было ясно, что он не выживет, и теперь она молилась не о его выздоровлении, а только о том, чтобы он не страдал от боли. Его губы посинели, под глазами обозначились темные круги. За последнюю неделю прежний красавец Джералд превратился в старика. Она погладила его по руке и прижалась к ней щекой.

– Мойра. – Внезапно он приподнялся на подушках, и его голос звучал радостно. Он смотрел в изножье кровати, затененное драпировками, и на лице его играла ослепительная улыбка. Дрожа, он протянул вперед руку. Потом вздохнул тяжело и глубоко и снова упал на подушки.

Прошла минута, прежде чем до сознания Патриции дошло, что муж умер, не простившись с ней, не сказав ей ни слова. На нее нахлынула глубокая печаль, и грудь словно сжало тисками.

Она медленно потянулась к усопшему и закрыла ему глаза. И только тогда позволила себе закрыть лицо руками и отдаться давно сдерживаемым слезам.

Как опытный командир, Алек умел судить а характере че-

ловека и составлять мнение о своих подчиненных быстро и точно. В случае с майором Мэтью Седжуиком его неблагоприятное мнение со временем не изменилось.

Майор предпочитал помалкивать, смотрел на своего командира с вызовом и дерзко отвечал на вопросы, а в остальное время был угрюм и мрачен. Алек не привык к такой агрессивности и враждебности, поэтому Седжуик был для него крепким орешком.

Вероятно, майор глубоко уязвлен тем, что его обошли и лишили возможности командовать. За последний год он сделал много для строительства и укрепления форта Уильям, используя не востребованных в бою солдат, но все старания не способствовали его продвижению по службе в шотландской кампании, которая все больше и больше приобретала политический характер. Не желая мириться с ситуацией, он предпочитал копить свои обиды и лелеять раздражение.

Но при этом майор посмел ударить женщину – вполне достаточно, чтобы понять особенности его нрава.

Отбросив свои личные чувства, Алек сосредоточился на проверке состояния казарм.

В крупных гарнизонах считалось нормальным, если на сотню солдат приходилась одна женщина. Предпочтение отдавалось особам, уже побывавшим в переделках и привыкшим к суровым условиям солдатского быта, включая и то, что жене приходилось делить узкую походную койку со своим мужем в помещении, где обитало еще не менее восьми

человек.

Каждая комната могла похвастаться камином, который использовался для обогрева и для приготовления пищи. Чтобы подольше сохранить аромат еды, обитатели комнаты держали на огне еду, пока она не подгорит.

Алек заглянул в сундуки, стоявшие в изножье кроватей. Там на дне лежали белые гетры, прикрытые жилетом и поясной сумкой. Добавочное одеяло, пара полотенец и простынь были необходимы солдату. Прочее личное имущество занимало немного места на самом дне сундука.

Через несколько минут Алек вышел из комнаты. За ним следовали Седжуик и Харрисон. Вдох облегчения, вырвавшийся у обитателей комнаты, оказался преждевременным. Солдаты форта Уильям еще не знали, что с нынешнего утра их обязанности полностью изменятся.

Алек уже проинспектировал склады боеприпасов и провианта, а также проверил соблюдение устава. Как он и подозревал, форт Уильям не особенно отличался от других английских укреплений. Он был построен с таким расчетом, чтобы при необходимости держать осаду, и мог похвастаться собственной пивоварней и пекарней. Но Алеку еще не приходилось видеть конюшен, где число коров и свиней намного превышало бы количество лошадей. Слившиеся воедино хрюканье, фыркание, мычание и ржание почти заглушали человеческую речь.

Он уставился на стойла. Должно быть, таланты Седжуи-

ка не простирались дальше умения заставить животных спариться. В стойлах было так же грязно, как в солдатских казармах.

– Нам приходится забивать животных на мясо, сэр. И отдавать зерно, – ворчливо пояснил Седжуик.

Он мог бы воздержаться от пояснений. Изможденные лица и исхудавшие тела обитателей деревни свидетельствовали о том, что им грозит голодная смерть. И такую картину Алек наблюдал по всей Шотландии. Приказы Камберленда были суровыми: он требовал неукоснительного наказания для повстанцев, особенно для усмирённых горцев.

Алек был рад, что выбрал местом своего обитания Гилмур. Вонь от немытых человеческих тел, хлевов и конюшен осталась позади, едва они вышли из казарм и удалились от стойл.

– Людей избавили от вшей? – спросил он.

Все солдаты под его началом были обязаны соблюдать правила личной гигиены, содержать в чистоте свое тело и одежду. Люди, которых он видел во дворе форта и в казармах, не показались ему ни чистоплотными, ни дисциплинированными.

Его войска могли провести весь день в грязи болот, но перед сном им выделялось время на то, чтобы почистить оружие, надраить бляхи и до блеска начистить сапоги. За годы службы Алек усвоил, что дисциплина создает идеальных солдат. Поэтому его солдатам приходилось больше думать

об утренней поверке, а не о том, как уцелеть в предстоящей битве.

– Вшей? – ответил Седжуик вопросом на вопрос.

– Люди обтираются водой с уксусом? – спросил Алек. – Если нет, следует начать это немедленно.

Седжуик нахмурился и промолчал.

– Завтра утром после поверки я хочу встретиться с вашими командирами, – сказал Алек, когда они выходили через узкий проход к передней стене форта.

– Командирами, сэр?

– У вас есть возражения, Седжуик? – спросил Алек нетерпеливо, бросая взгляд через плечо.

– Мне не требуются помощники, сэр, – упрямо возразил Седжуик. – Я взял на себя все командные функции.

– Но это не лучший способ управлять большим числом людей, майор, – резко возразил Алек. Он повернулся к Харрисону, спокойно следовавшему за ним. – Завтра утром нужно провести общий сбор, – сказал он.

Адъютант кивнул.

– Давайте решим вопрос насчет пушек, майор, – продолжал Алек, стремясь поскорее окончить проверку и избавиться от общества майора.

Часом позже он оставил Седжуика лелеять свою обиду и с чувством радости и облегчения вернулся в Гилмур. Там он снял мундир и аккуратно повесил его на гвоздь возле двери. В комнате не было платяного шкафа, ничего похожего

на привычный комфорт его английского дома. Но ведь он не был там много лет. Странно, что возвращение в Шотландию пробудило в нем тоску по привычным вещам, которые он когда-то с пренебрежением отвергал. Возможно, дело не в Шотландии, а в том, что он просто устал от войны и бивуачной жизни. Но до последнего времени он не чувствовал, насколько устал.

Он подошел к камину и уставился на холодный пепел. Как долго его предки жили здесь? Сколько лет?

Денщик Дональд уже перенес в комнату его вещи. В дополнение к походному сундучку здесь появились круглый стол и два стула, а пол был чисто подметен. Покрывало и матрас были заменены новыми. Кроме того, Дональд поставил на каминную полку два фонаря и множество коротких неуклюжих огарков, а также водрузил одну толстую свечу посреди стола. Все это говорило о том, что эта комната обитаема.

Алек сел за стол, открыл свой сундучок и извлек из него карты. Его сознание взрослого человека восстанавливало в подробностях то, что не запечатлелось в его детской памяти. Он разделил всю подконтрольную территорию на квадраты и составил расписание смены патрулей. Уже завтра он сможет оценить, насколько распространен мятеж в этой части Шотландии. Откровенно говоря, он сомневался, что после столь серьезного поражения горцы посмеют снова бросить вызов Англии.

Покончив с этим делом, он принялся составлять рапорт

генералу Уэсткотту, своему непосредственному начальнику. Он облакал свои первые впечатления в тщательно отточенные фразы, а также высказывал свое мнение о необходимости изменить стиль командования. Но ни словом не обмолвился ни о пожаре, ни о майоре Седжуике, ни о том, что, по его мнению, тот вообще не способен командовать. После одного лишь дня наблюдений такую критику сочли бы слишком поспешной и необоснованной.

Но майор ударил Лейтис, а этого Алек не мог ни забыть, ни простить.

Он откинулся на спинку стула и отдался самым свежим воспоминаниям о ней. Ее внешность была слишком яркой и живой, чтобы ее по достоинству оценили в Англии, где предпочитали томную бледность. Но для этой страны крутых скал, острых утесов и волнистых лощин она была хороша. Она оказалась выше, чем он ожидал, стройной и даже хрупкой.

Какой была ее жизнь после того, как карета унесла его домой, в Англию? Эти мысли, почти ребяческие, появились неожиданно для Алека, будто вырвались из шкатулки, где тщательно хранились все эти годы.

«Я Йен. – Он не мог ей этого сказать. – Я тот мальчик, которого ты знала много лет назад». Время изменило их обоих.

Он снова попытался сосредоточиться на своем отчете, с трудом изгнав из памяти лицо Лейтис.

Он запечатал донесение и оставил его на столе для пере-

дачи гонцу. Ему по чину полагался курьер в любое время, когда бы он ни понадобился. Когда Алек был лейтенантом, такого не было. Однако его переписка с семьей заглохла и сошла на нет много лет назад. Теперь он не мог и припомнить почему. Просто у него вошло в привычку не писать домой. Это отсутствие внимания к близким, вероятно, объяснялось тем, что он много лет не видел никого из родни.

После смерти его матери отец так и не оправился и не стал прежним. Граф Шербурн, некогда неудержимый весельчак, любивший самозабвенно скакать верхом рядом с сыном или показывать ему удачные места для рыбалки на реке Брай, перестал существовать. Человек, занявший его место, был мрачен и суров и не тратил время на простые удовольствия.

Он женился снова, на женщине, которая была нежна и добра к нему. Патриция, как помнилось Алеку, вставала на его сторону, когда он хотел чего-нибудь добиться от отца.

Для графского сына выбор рода деятельности был невелик: расточать время в ожидании кончины отца или взять на себя обязанности по хозяйству. Но он по природе не терпел праздности и бездействия, а хозяйство графа было хорошо отлаженным, и он знал обо всем, что творится в его владениях. И потому Алек никогда не сожалел о том, что выбрал воинскую стезю.

Интересно, что сказал бы граф, увидев его в таких условиях? Увидев, какое удовольствие он испытывает, пребывая в столь спартанской обстановке?

Он удивился самому себе, когда придвинул новый лист бумаги, обмакнул гусиное перо в чернильницу и принялся за письмо отцу.

От недавнего грозового ливня остались только лужицы на гравии да капли, медленно стекавшие в подставленные бочки. Воздух был чистым, как всегда после грозы или бури, но все же в нем чувствовался кисловатый запах гари.

Из-за преклонного возраста и немощи двоих спутников Лейтис они с трудом продвигались по мосту над долиной.

Девушка не бывала в Гилмуре после того, как замок заняли англичане.

В тот день она стояла на высоком холме и смотрела, как замок стирают с лица земли. Пушки гремели, как гром, как Господень кулак, сокрушающий твердыню до основания. Она видела, как рушится кирпич за кирпичом. Чтобы сровнять замок с землей, потребовалось всего два дня, и это доставило ей доселе неведомую горькую радость. Это было постыдное чувство, и ей не хотелось признаться в Нем даже себе самой, но в то время она скорбела о Маркусе и своей семье. Ей казалось правильным и справедливым, что и Гилмур был уничтожен. Ее переполняли ярость и боль, и потому ей хотелось, чтобы и другие страдали не меньше. И вот ее желание исполнилось. Теперь обливалась слезами вся Шотландия.

Форт Уильям маячил на горизонте, как приземистое чудовище из красного камня, но вблизи выглядел еще безоб-

разнее.

Она собрала всю свою отвагу в кулак, подкрепив ее чистой бравадой. Она не пыталась притворяться, что ей предстоит легкое дело. Но ради Хемиша не стоит гибнуть по собственной глупости.

Она нервно оправила рукава платья, но они никак не хотели спуститься ниже локтей. Изю всех ее платьев это бледно-голубое было самым нелюбимым и сидело на ней плохо. Впрочем, теперь это было ее единственное платье.

– Двери нет. – Ада смотрела на фасад форта. – Только окна.

– Это бойницы для пушек, – пояснил Малькольм, косясь на стену.

– Как же мы войдем? – спросила Мэри.

– Может, обойдем здание с тыла? – предположила Лейтис.

– Здесь нет часовых, – сказал Малькольм.

– Мы не представляем для них угрозы, – ответила Лейтис.

– Пусть здесь и тихо, но я вовсе не желаю, чтобы меня подстрелили за то, что я околачиваюсь возле английского форта.

Лейтис ответила ему хмурым взглядом и пошла первой вдоль длинной стены до самого ее конца и наконец нашла вход во двор, заполненный солдатами и домашними животными. С минуту она изумленно моргала при виде открывшейся сцены.

Неподалеку от нее солдат мешал что-то в котле деревянной ложкой, насаженной на длинный шест. В дальнем конце двора солдаты мылись в корытах, плескались водой и орали во всю глотку, а в воздухе стоял смрадный запах нечистот, навоза и немых тел.

– Святая Коломба! – прошептала Мэри. – Да они все нагишом, будто только что из материнского чрева.

– Не совсем, – возразила Ада со смешком. – Они чуть покрупнее младенцев.

Малькольм бросил на Аду свирепый взгляд, но она в ответ только подняла брови.

– Мы пришли в банный день, – с удивлением констатировала Лейтис.

– И на них нет никакой одежды, – сказала Мэри.

– Можно подумать, что вы не видели голых мужиков, – заворчал Малькольм.

– Я-то и впрямь никогда не видела голого англичанина. – Мэри старалась держаться поближе к Лейтис.

Все четверо сгруппировались в углу двора, держась так близко, что ощущали дыхание друг друга.

– Что нам теперь делать? – спросила Ада.

– Найти полковника, – предложил Малькольм. – Если, конечно, он тоже сейчас не моется.

– Ты думаешь, это такой английский ритуал? – Мэри выглянула из-за плеча Лейтис.

– Если и так, не думаю, что они соблюдают его зимой, –

ответила та.

– Они отморозят себе...

Под мрачным взглядом Малькольма Ада осеклась.

– Нужно что-то предпринять, – настаивала Лейтис. – Нельзя же просто стоять и глазеть на них!

– Я так не думаю, девочка, – сказал Малькольм. – Это вы, женщины, ведете себя как слабоумные.

Лейтис расправила плечи, набрала в грудь воздуха и шагнула вперед, пока решимость еще ее не оставила. Мужчина, пересекавший двор, остановился и уставился на нее. Потом медленно приблизился, будто опасался, что она окажется привидением.

– Мне надо поговорить с полковником, – сказала она решительно.

Ее руки были плотно сжаты на груди, подбородок вздернут.

– Вы хотите видеть Мясника?

Она с трудом понимала его выговор и совсем не поняла выражения его глаз.

У него было худое, вытянутое, как волчья морда, лицо, а улыбка, похожая на оскал, обнажала набухшие, как у младенца, беззубые десны, воспаленные и покрасневшие. В вырезе белой рубашки виднелась волосатая грудь. Было заметно, что он еще не успел принять ванну.

– Мясника? – спросила она слабым голосом.

– Инвернесского Мясника? Нового коменданта крепости?

– Да нет, полковника. – Она покачала головой.

Человек, спасший их деревню, не мог быть Мясником из Инвернесса.

– Это он и есть, – ответил ее собеседник. Похоже, он наслаждался ее потрясением.

Мясник из Инвернесса! Они все слышали рассказы про него. Скотты, избежавшие бойни при Куллодене, были заключены в инвернесскую тюрьму, и их посылали на казнь по прихоти этого чудовища. Говорили, что Мясник мог пощадить узника, если тому удавалось позабавить его, или посылал его на виселицу, если ему не нравилось выражение его глаз.

Мясник из Инвернесса? Ее желудок сжала судорога. Лейтис почувствовала, что ей стало не по себе.

Стук в дверь был неожиданным, а выражение лица Дональда не предвещало ничего хорошего. И все же его слова оказались полной неожиданностью.

– Прошу прощения, сэр, но у нас неприятности. Дональд был с Алеком еще с Фландрии, когда тот, став военным, был полон романтических мечтаний о великой славе и выигранных сражениях. Сначала светлые и легкие волосы Дональда, его розовые щеки и желание угодить производили такое впечатление, будто он еще не расстался с детством. Но в прошлом году Дональду присвоили звание сержанта, и остатки его юношеской наивности испарились. Бывало, что улыбка его казалась вымученной, а в смехе звучала горечь. Несом-

мненно, это результат трагедии в Инвернессе.

– В чем дело? – спросил Алек. Дональд шагнул в комнату.

– Сэр, там, во дворе форта, группа скоттов, и среди них женщины. Это смахивает на мятеж.

Когда Дональд закончил фразу, Алек уже успел надеть мундир и оказался у двери.

Четверо шотландцев были окружены по крайней мере тридцатью солдатами, весьма скудно одетыми после купания. Пожилая женщина прижимала сжатые руки к груди, а старик, казалось, был готов драться. Но солдат интересовали женщины помоложе, и одной из них была Лейтис.

Она отступила на несколько шагов, чтобы избежать прикосновения солдата, и наткнулась на другого, стоявшего у нее за спиной. Тот рассмеялся и, схватив ее за руки, потянул к себе.

– Пожалуйста, пропустите нас! – сказала она.

– Поцелуй меня, и, возможно, я пропущу вас, – ответил солдат.

– По-видимому, у вас полно свободного времени, сержант, – коротко бросил Алек. – Хотя вам пора выполнять ваши обязанности, в которые не входит издевательство над женщинами.

Солдаты, окружавшие Лейтис и остальных скоттов, мгновенно отступили при этих словах полковника.

– Прошу прощения, полковник, но она шотландка, – пояснил сержант.

Этот день тянулся бесконечно долго. С самого рассвета Алек трясся в седле, и, вероятно, поэтому он поддался внезапно нахлынувшему гневу. Этот гнев был сродни ярости и желанию выжить, которые он испытывал на поле боя.

– Что, собственно говоря, означают, сержант, ваши слова о том, что она шотландка? – Он тщательно подбирал слова, стараясь не выказать своего гнева.

– Ну, вы же знаете, сэр, какие они, – ответил сержант. – Они на все готовы ради куска хлеба.

Он ухмыльнулся, глядя на Алека, что, по-видимому, означало намек на мужскую солидарность. Его высказывание заставило Алека пожалеть, что он не захватил свой меч.

Лейтис повернулась и посмотрела ему в лицо. Она была бледна, если не считать синяка от пощечины Седжуика. Он хмуро смотрел на отметину, внезапно раздраженный ееглупостью.

– Мужчины, находящиеся в форту, месяцами не видели женщин, – сказал он резко. – Вы не думали о своей безопасности, явившись сюда?

Она не ответила на его вопрос, а вместо этого спросила сама:

– Вы новый комендант форта Уильям? – Ее голос был чуть громче шепота. – Вы Мясник из Инвернесса?

Он кивнул.

Она глубоко вздохнула.

– Я Лейтис Макрей, – представилась она. – У вас мой дя-

дя. Я пришла просить о его освобождении.

– Вы пришли?..

Она сохранила свою дьявольскую надменность. Ну, кто осмелится просить об этом в окружении сотни солдат и под защитой столь жалкого эскорта?

Он резко повернулся и направился в замок, чтобы выиграть время и привести в порядок свои мысли. Они вчетвером последовали за ним, иногда бросая взгляды на развалины Гилмура и перешептываясь. Оплакивали ли они гибель старого замка или проклинали захватчиков?

Небо на горизонте казалось сине-черным, и только кое-где бледная заря окрасила его в светло-розовый цвет. Ночь приходила на эту землю легких теней неохотно, впрочем, как и рассвет, с трудом разгонявший тени.

Упрямая, неуступчивая страна, отражавшая, как в зеркале, характер своих обитателей.

Он стоял, повернувшись к скоттам спиной, намеренно давая понять, что его больше интересует озеро Лох-Юлисс, чем они. Взгляд его был обращен к месту, где из озера вытекала река Конох.

Наконец он повернулся к пришедшим.

Лейтис стояла впереди, стараясь не выдавать своих чувств. Ее лицо казалось бесстрастным. Может быть, она боялась разгневать Мясника из Инвернесса?

– Мой дядя – старик, – сказала она. – Он иногда забывает даже, который теперь год.

– Или то, что мятежники в Шотландии потерпели поражение? – сухо спросил он.

– Да, – ответила она просто.

Остальные выстроились у нее за спиной, как бы признавая ее главенство.

Ее вообще не должно здесь быть, и тем более она не должна возглавлять эту нелепую группу.

– Значит, я должен пожалеть старика? – сказал он. – И что вы мне предложите в обмен на его свободу?

– У нас ничего нет, – кратко отозвалась она. – Ваши солдаты перерезали наш скот и вытоптали посевы.

Он сложил руки на груди и оперся спиной о стену.

– Следовательно, вы полагаетесь только на мое сострадание?

– Разве не так должен поступать христианин? Давать, не требуя ничего взамен?

– Но я Мясник из Инвернесса, – напомнил он. – И я должен проявлять подобную щепетильность и чувствительность?

Она отвела глаза, потом прямо посмотрела на него.

– Возможно, должны, – сказала она, наконец, твердо и крепко сжала губы, будто собиралась его отчитывать. – Обещаю, что он никогда больше не будет играть на волынке. – Она прервала воцарившееся молчание.

– Я добьюсь этого, только вздернув его на виселице, – возразил он упрямо. – Вы обещаете также проявлять послуша-

ние?

– Обещаю. – Она кивнула.

– А как насчет вашего клана?

Она еще сильнее стиснула зубы и уставилась на гравий под ногами.

– У меня нет права говорить от имени всех, – сказала она неохотно. – Но обещаю не нарушать английских законов.

– И вы хотите, чтобы в обмен на это пустое обещание я отпустил вашего дядю живым и здоровым?

– Нет, – ответила она. – Я прошу также пощады и безопасности для своей деревни.

Он снова отвернулся и уставился на озеро Лох-Юлисс. Мальчиком он много раз любовался открывающимся отсюда видом. Рядом с Гилмуrom озеро, окруженное синеватыми холмами, было узким. Дальше оно расширялось, образуя залив, и плескалось у подножия утесов, нависавших над ним, как башни, пока вода озера не сливалась с солеными водами моря.

Алек медленно направился к Лейтис. Он молчал, глядя на синяк у нее на скуле. Этот синяк все еще его беспокоил, и он был раздражен. Настолько сильно, что мысленно уже разжаловал майора. Нужно усилить патрулирование крепости, и тут майору найдется работа.

Внезапно Алеку захотелось, хотя это и неразумно, оградить Лейтис от последствий ее собственного безрассудства и защитить от тех, кто мечтал причинить ей вред. Алек считал,

что делает это потому, что Лейтис – звено, связывавшее его с прошлым, хотя сам сознавал несуразность своих доводов. Он протянул руку и коснулся пальцем синяка на ее щеке.

И тотчас его руку оттолкнул старик, стоявший рядом с Лейтис.

– Уговор не дает вам права лапать наших женщин! – Старик рассвирепел, и его морщинистое лицо исказилось от гнева.

Хотя Алек и не мог вспомнить его имени, это лицо было знакомо ему с детства. Еще в те времена он считал его древним старцем. Прошедшие с тех пор годы наложили свой отпечаток, и морщин стало намного больше, к тому же старик весь дрожал. Он отважно осмелился бросить вызов полковнику, будучи безоружным.

Алек склонил голову, сознавая неуместность своего жеста.

– Вам не стоило сюда приходить, – сказал он. – Пришлите ко мне вашего лэрда, и я поговорю с ним.

– Нас осталось так мало, что нам не нужен предводитель, – ответил старик.

Алеку хотелось расспросить Лейтис о судьбе остальных: о том, что случилось со смешливым Фергусом и суровым Джеймсом, с их отцом, который всегда был так добр к нему. Но он не задал вопроса, предпочитая не знать горькой правды.

– Дядя – это все, что осталось от моей семьи. – Лейтис

будто подслушала его мысли. Она вздернула подбородок и плотно сжала губы.

Они обменялись взглядами. Он не мог исцелить ее от боли, и она не догадывалась о мгновенном раскаянии и горечи, охвативших его.

– Возвращайтесь к себе в деревню, – обратился он к скоттам. – Я скоро отпущу Хемиша.

Тут заговорила старуха:

– Почему?

Ее он не узнавал. Или она так сильно изменилась за эти годы, или он просто не встречался с ней в детстве.

– Вы просите меня о сострадании, так зачем спрашивать? – ответил он вопросом на вопрос и слегка усмехнулся.

– Англичанин всегда назначает цену за свое благодеяние. – Она смотрела на него недоверчиво прищуренными глазами.

– Я возьму вас заложницей, чтобы гарантировать его лояльность. – Он протянул руку и обхватил запястье Лейтис.

– Нет! – возразила она гневно, пытаясь вырвать руку.

– Теперь ступайте, – сказал он остальным, – и я обещаю вам свободу и безопасность. Если помедлите, останетесь здесь узниками.

И они отступили, попятились, оглядываясь через плечо и, должно быть, поражаясь собственной дерзости, потому что их нежелание уйти можно было истолковать как вызов. Они хотели спасти одного, но потеряли другого члена клана.

Возможно, это их научит действовать в будущем более разумно и осмотрительно.

В конце концов, он ведь солдат, Мясник из Инвернесса, как прозвали его сами шотландцы, человек, репутация которого ужасна, а намерения смертоносны.

Алек улыбнулся и пошел в покои лэрда.

Глава 5

Мясник махнул рукой, и из тени появился человек. Его лицо было неестественно худым, нос и подбородок острыми. Он пошел за скоттами, провожая их к выходу. Мясник держал Лейтис за руку крепко, но не причиняя боли.

Она мысленно слышала голоса братьев, отчитывавших ее за глупость, а также тихие стоны матери и гневные тирады отца. Остальные голоса неузнаваемы и не очень ясны. Возможно, это голоса жертв Мясника?

Что она натворила?

Он открыл дверь, посторонился давая ей пройти, потом повернулся к своему адъютанту.

– Покарауль мою гостью, Харрисон, – сказал Мясник. Харрисон кивнул и занял позицию у двери.

– Мне надо выпустить волынщика, – сказал Алек, глядя на Лейтис.

– Вы действительно его отпустите? – спросила изумленная девушка.

Его улыбка ее удивила.

– Я хозяин своего слова, – ответил он и помолчал немного, ожидая ее реакции.

Но она не доставила ему этого удовольствия. Однако казалось, не высказанные ею слова реют в воздухе, разделяя их. «Ни одного англичанина нельзя назвать человеком чести».

Он закрыл за собой дверь и оставил ее в одиночестве. В отчаянии Лейтис оглядывала комнату. Она помогала ухаживать за умирающим лэрдом и потому хорошо знала эту комнату.

Лейтис снова открыла дверь в зал клана. Харрисон все еще стоял на страже у двери спиной к ней.

– Оставайтесь на месте, мисс, – сказал он спокойно, будто мог ее видеть. Возможно, он почувствовал ее ужас.

– Он не может держать меня здесь, – заявила Лейтис, стараясь скрыть свой страх под бравадой.

Харрисон покосился на нее. Как ни странно, его лицо становилось еще менее привлекательным, когда он улыбался.

– Не может? Он командир полка. Он может делать все, что ему заблагорассудится, – ответил Харрисон и, протянув руку, захлопнул дверь прямо у нее перед носом.

Девушка повернулась и оглядела свою темницу. У стены стоял довольно необычный сундук со множеством выдвижных ящичков, перетянутый коричневым кожаным ремнем. Он был основательно потрепанным. Должно быть, Мясник всюду таскал его с собой в своих странствиях.

Мясник явно выбрал эту комнату для себя.

Кем же ей предстояло стать – его заложницей или наложницей?

Лейтис обошла вокруг стола и остановилась, глядя на разложенные полковником карты. Она и не подозревала, что озеро так велико. Оно простиралось до залива. Каждая кро-

шечная пометка на карте, по-видимому, обозначала деревню, а более крупные значки указывали на другой форт, еще одно темное пятно на шотландской земле. Судя по всему, англичане собирались здесь обосноваться надолго.

Стук в дверь означал появление еще одного молодого человека, принесшего на голове двойной матрас, под которым его почти не было видно. Она наблюдала, как он свалил его на постель, потом отступил к двери и застенчиво ей улыбнулся.

– Я не стану делить с ним ложе. – Она отступала все дальше и дальше, пока не уперлась спиной в стену.

– Об этом мне ничего не известно, мисс, – сказал он, и его щеки вспыхнули ярким румянцем. – Мой долг – обеспечить полковника всем необходимым. – Он наклонился и аккуратно уложил матрас на раму, потом потрогал его, уминая обеими руками. – Я должен был набить его сеном, – сказал он, обращаясь к кровати, – но сено пахло лошадьми и навозом.

Она ничего не ответила, только наблюдала за ним, пока он, ходил вокруг кровати. Она отступила подальше, но он, кажется, не заметил этого, настолько был поглощен своим занятием.

– Поэтому, – продолжал он, – я набил его травой и сосновым лапником. Но еще я положил туда немного цветов, – доверительно добавил он, оборачиваясь к ней.

Он вдруг улыбнулся, и его улыбка почему-то напомнила ей частые проказы Фергуса. И это внезапно пришедшее вос-

поминание ее отрезвило. Она отвела глаза от молодого английского солдата: уместно ли ей им увлечься?

— Я принесу вам ужин, мисс. — Он направился к двери. — Могу я быть вам еще чем-нибудь полезен?

— Вы всегда спрашиваете арестанта о его вкусах и желаниях? — спросила она, раздраженная его бодрым тоном.

— Но вы не узница, мисс, — ответил он серьезно. — Вы гостя полковника.

Она не нашлась что ответить, и он закрыл за собой дверь. Зачем он решил держать у себя Лейтис? «Глупо удерживать Лейтис Макрей в качестве заложницы», — шептал Алеку внутренний голос, похожий на голос его давно почившего деда.

Тюрьма была расположена недалеко от часовни, и Алек гадал, нарочно ли строитель иронизирует или это вышло случайно. Камера была размером с небольшую комнату, ее единственным отличием были наручники, вделанные высоко в стену, да решетки на окнах.

Тюрьма была непременным атрибутом любого форта. Для тех, кто не мог мириться с военным положением, это было достойным отрезвляющим средством. В армии его величества неповиновение наказывалось сурово. Но главным образом тюрьма предназначалась для других целей. Люди, которых намеренно приучали убивать, нелегко отказывались от возбуждения и ярости и после битвы.

Однако узник, которого посетил Алек, был не рядовым,

пойманным на краже бутылки спиртного у товарища по казарме, не капитаном, вызвавшим своего сослуживца на дуэль, дабы защитить честь дамы. Это был старый седой шотландец, в глазах и сердце которого полыхала ярость, способная расплавить решетки его камеры. Он был статен, но невысок ростом, и его запястья, скованные вделанными в стену наручниками, были подняты на несколько дюймов выше его головы.

Алек ощущал ненависть, которую излучали глаза Хемиша.

Полковник посмотрел на стражника, стоявшего у двери.
– Дай мне ключи, – сказал он отрывисто и нахмурился, увидев удивление на лице лейтенанта.

Как младший по званию, тот был обязан мгновенно подчиниться любому приказу и проявить не только послушание, но и почтительность. Однако оказалось, что урок не усвоили ни Седжуик, ни его люди.

– В чем дело? Почему вы медлите? – резко спросил он. – Вам трудно выполнить приказ?

– Нет, сэр, – ответил стражник, передавая Алеку кольцо с ключами.

Алек слышал, как за ним закрылась дверь камеры, и устремил взгляд на Хемиша Макрея. Хемиш был добр к нему, когда он был еще мальчиком. Он учил Алека играть на волынке. Но музыкальным талантом обладал не он, Алек, а Джеймс.

Хемиш смотрел на англичанина с презрением, что казалось странным для человека в наручниках, прикованного к стене.

– Так, значит, вы новый командир гарнизона, этого бельма на глазу? – спросил он.

– Да, это так, – резко ответил Алек, подходя к старику поближе.

– Зачем вы пришли сюда? От меня вы ничего не добьетесь. Я старик и повидал в жизни слишком многое, чтобы раскаиваться в своем поведении.

Алек удивленно посмотрел на Хемиша.

– Это что, награда для скоттов – принять мученическую смерть?

– А для англичан лучшее развлечение толкать нас на это?

Хемиш прожигал его взглядом из-под густых кустистых бровей.

– Если я тебя отпущу, ты обещаешь подчиняться закону? Или ты не слышал о приказе сложить оружие?

– Об английском законе? Столь же бессмысленном, как и все, что вы, англичане, принесли нам?

– Вы слишком любите жертвовать собой! – Алек возмутился. – Думаете только о себе и своих идеалах и даже не подозреваете, что из-за этого невинные могут пострадать и заплатить высокую цену за ваше самопожертвование.

– Вы, англичане, отняли мою страну и убили моих родичей. Куда вам до нашей шотландской гордости!

Алек расстегнул наручники, потом отступил на шаг. Хемиш принялся растирать онемевшие руки, сверля Алека взглядом.

– Мы взяли заложника, дабы усмирить тебя и заставить подчиняться, Хемиш Макрей из клана Макреев, – сухо сообщил Алек. – Я предлагаю тебе сделку.

– Я не торгуюсь, – пробормотал Хемиш. Алек пропустил его слова мимо ушей.

– Твою волынку уничтожат, и я предлагаю тебе носить более пристойную одежду. – Он смерил взглядом килт Хемиша. – Безопасность заложника, точнее, заложницы, зависит от твоей готовности подчиниться.

– Я не пойду на это, – ответил Хемиш упрямо.

– У тебя нет выбора, – возразил Алек.

– Кого ты взял в заложники?

– Лейтис. – Алек напрягся, ожидая реакции старика. Но Хемиш только на мгновение закрыл глаза, а когда секундой позже открыл их, повернул голову и сплюнул на пол.

– Плевал я на угрозы англичанина!

И ни слова о Лейтис, о безопасности своей племянницы. Алек позвал стражника. Когда тот вошел в камеру, Алек кивнул на Хемиша:

– Выпусти старого дурака, пока я не передумал.

Глава 6

Алек вошел в комнату, деревянная дверь с приглушенным стоном захлопнулась за ним. Он зажег свечу и сел за стол.

Лейтис стояла спиной к стене, сложив руки на груди. Ее подбородок был гордо вздернут, глаза смотрели на него бесстрастно.

– Тебе нравится сидеть в темноте?

– Не думаю, что вас беспокоит, удобно ли мне, – ответила она холодно.

Он снял мундир и повесил его на гвоздь у двери, потом освободился от жилета и остался в одной рубашке и бриджах. Когда он повернулся и подошел к ней, она не отвела глаз. Ее вызывающий взгляд оставался прямым и презрительным.

Он протянул руку и коснулся ее волос. За долгие годы они потемнели, но в ней оставалось что-то от прежней своенравной девчонки, от юной Лейтис с развевающимися на ветру рыжими кудрями и заразительным смехом.

Он провел руками по ее плечам, погладил их, спустившись до запястий, и ощутил грубую ткань ее платья. Кончики его пальцев нащупали дырочки на рукавах, прожженные во время пожара. Он знал, что у нее нет другого платья и нет никакого имущества. Кроме этого платья у нее оставался только характер. Порывистая, безрассудная и отчаянно от-

важная!

– Я не стану вашей шлюхой, Мясник, – сказала она, и он уловил легкую дрожь в ее голосе. По этой дрожи он понял, что ее гнев был в значительной мере бравадой.

– Так вы думаете, я за этим привел вас сюда? – спросил он мягко.

– Да.

Ее голос был напряженным. Ему приходилось слышать, как люди ему в лицо кричали о своих преступных намерениях, и это производило на него не меньшее впечатление, чем когда они неохотно признавались в них.

– Я думаю, ваше положение заложницы не требует подобной жертвы. – Он криво улыбнулся.

Она наградила его недоверчивым взглядом.

– Англичане устроены, как и все остальные мужчины, – сказала она наконец, отступая от него на шаг. – Они как жеребцы, всегда жаждущие случки.

Он смотрел на нее, подняв бровь.

– И вам приходилось быть чьей-нибудь кобылкой, Лейтис?

– Нет. – Она решительно встретила его взгляд. Он понял, что она лжет.

– Кто он? – спросил Алек, стараясь подавить инстинкт собственника, столь сильный, что это поразило его.

Она, казалось, была не меньше удивлена его вопросом. Но и он был удивлен, услышав ответ. При этом ее взгляд был

вызывающим.

– Был один человек, – сказала она с гордостью. – Я его любила, и он ушел сражаться.

– Значит, вы делили с ним ложе. – Алек мысленно поздравил себя с тем, что его голос прозвучал бесстрастно. Он подошел к камину и уставился на холодную золу.

– Да, – призналась она тихо. – Я делила с ним ложе.

Алек не видел ее много лет. И она, несмотря на все воспоминания, осталась для него незнакомкой. Какое ему дело до ее любовного опыта? Однако эти спокойные и рациональные рассуждения не умерили его внезапно вспыхнувшего гнева.

– Где он теперь? – спросил он, наконец, чересчур настойчиво.

– Маркус пал при Куллодене.

Он закрыл глаза и с легкостью представил себе поле боя – не из-за ярости и жестокости этой битвы, а потому, что ночами часто вспоминал о ней. В его снах эта битва вновь и вновь возвращалась к нему. А вдруг он сам убил ее Маркуса или видел, как его убили?

Он повернулся и посмотрел на Лейтис. Ее щеки покрыл жаркий румянец, она обхватила себя руками за плечи, но не отвела взгляда.

Стук в дверь прервал тягостное молчание. В комнату вошел Дональд с подносом, поставил его на стол и принялся расставлять приборы.

– Я принес вам ростбиф, полковник. – Дональд с улыбкой

посмотрел на Лейтис.

– Ты видел нашу гостью? – спросил Алек. – Познакомился с ней? Это наша заложница Лейтис Макрей. Дональд Тэннер, мой сержант.

Дональд улыбнулся со всей возможной приветливостью.

Лейтис не ответила на его улыбку, но выражение ее лица слегка смягчилось. В нем стало меньше настороженности. Дональд всегда и везде нравился женщинам. Непонятно почему, но женщины вечно хотели его приголубить.

– Принести вашу ванну, сэр? – спросил Дональд, и Алек ответил утвердительным кивком.

Через минуту дверь за ним закрылась, и они вновь остались одни.

Алек сел за стол, вытянув перед собой ноги. Он не спеша стянул сапоги, ожидая от Лейтис следующей колкости. Он знал, что она последует. Он в этом не сомневался. Лейтис не могла выдержать угнетающего молчания.

– Теперь вы убедите себя, что коли я познала ласки мужчины, то «это» не будет считаться насилием, – сказала она внезапно.

Он посмотрел на нее и покачал головой.

– Неужели вам не ясно, что я мог бы отдать распоряжение сровнять вашу деревню с землей и его бы выполнили неукоснительно? Или мог бы отдать приказ уничтожить всех людей вашего клана и получить за это награду?

– Англичане всегда награждают за жестокость, – свирепо

огрызнулась она. — За жестокость, а не за отвагу.

— И, несмотря на это, вы поливаете меня грязью, — сказал он, будто не слышал ее слов.

— Я бы забросала вас навозом, Мясник, да его нет под рукой.

Он не позволил себе улыбнуться, понимая, что это разозлит ее еще больше. Но в эту минуту ее ярость показалась ему очень смешной.

— Трудно убивать людей? — спросила она спокойно. Она пыталась его оскорбить, но он предпочел не обращать на это внимания и ответил честно:

— Трудно посылать людей в бой, зная, что они могут погибнуть. Не сомневаюсь, что и ваши предводители чувствуют то же самое.

— Надеюсь, что это так, — ответила она удивленно. — Должно быть, человеку не просто послать другого на смерть. Даже если борешься за правое дело.

— Чем больше смерти видишь; — сказал он упрямо, — тем больше сомневаешься в правоте любого дела, за которое люди умирают.

Она отвернулась и уставилась в окно, будто созерцание ночи было для нее внове.

— Ты умеешь ненавидеть, Лейтис, — сказал он тихо.

— У меня есть для этого основания, — ответила она ледяным тоном, поворачиваясь и глядя на него сузившимися глазами. — Англичане убили всю мою семью и человека, кото-

рого я любила.

Он порывисто встал, подошел к ящику с письменными принадлежностями и вытащил лист бумаги, гусиное перо и чернильницу. Она хмуро наблюдала, как он возвратился к столу и расчистил на нем место для бумаги. В тишине раздался скрип пера.

Затем он встал, подошел и протянул ей список.

– Что это? – Она протянула руку к листу бумаги.

– Это люди, погибшие, как мне известно, от рук скоттов.

Думаю, справедливо, что мы сравнивали счет. Разве нет?

Вместо ответа она пробежала глазами список.

Лейтенант Томас.

Капитан Гастингс.

Сержант Робертс.

Лейтенант Хэнсон.

Майор Робсон...

Это был список из двадцати имен. И все они были англичанами, хорошими солдатами и порядочными людьми, не заслужившими такой доли.

– Ну что? – спросил он. – Почему никаких едких замечаний, Лейтис? Почему не скажешь, что хороший англичанин – только мертвый англичанин?

Она изучила список, потом сказала очень тихо:

– Но ведь у них всех были матери, жены или возлюбленные. Было бы жестоко желать им смерти.

– Но ведь они были англичанами, – возразил он, и в его

тоне она почувствовала напряжение. – Разве тебя не обрадовала бы их смерть?

Лейтис подняла на него глаза.

– Неужели ты каждый раз радуешься, когда умирает Скотт? – спросила она со странной печалью.

Однажды такое было, и он исповедался в этом Богу, но ей он об этом не расскажет ни за что на свете.

– Воевать должны только короли, и никто больше, – сказала она после затянувшегося молчания.

– Ты предпочла бы, чтобы король Джордж и ваш претендент на престол встретились в поединке? – спросил он, удивленный ее замечанием.

– Но ведь в войне участвуют не только короли и принцы, верно? – Она смотрела ему прямо в лицо. – Это мужчины превратили войну в игру. Не ради мира, а из личных интересов. Например, из-за алчности.

– Алчности? – Он смущенно улыбнулся. – Имеешь в виду, что полковники метят в генералы, а рядовые мечтают стать сержантами?

– Или получить земли, замки, власть, – поправила она, возвращая ему список, потом отвернулась и снова уставилась в темное окно.

– Мир всегда был таким, Лейтис, – сказал он тихо.

– Это не значит, – возразила она, качая головой, – что он устроен правильно.

– А каким ты хотела бы видеть мир?

– Каким он был раньше, – ответила дна устало. – По правде говоря, я и сама не знаю. Теперь мир кажется таким желанным, а это желание таким простым, но очень трудно достижимым.

– Для всех нас, – ответил он мрачно.

– А где твой мир, Мясник?

Он улыбнулся, расслышав в ее тоне оскорбительные нотки, но все же без усилия ответил на ее вопрос:

– Где дом солдата? Там, куда его пошлет командир. Там, где его мундир или походная койка.

– Но не здесь, в Шотландии, – возразила она язвительно.

– Боюсь, что это так, – ответил он, и хотя это и было правдой, его голос был мягок.

Она расправила плечи, в ее позе чувствовалось напряжение. Она не обратила внимания на его слова и, казалось, забыла о его присутствии. Хоть она и молчала, ее вид выражал явное презрение.

Раздался стук в дверь, предвещавший появление сержанта. Молодой человек согнулся под весом огромной медной ванны.

– Где ты это нашел? – спросил удивленный Алек.

– Майор Седжуик заказал ее в Лондоне, – ответил Дональд, опуская ванну на пол. Дно украшала чеканка из цветов и деревьев, из листьев выглядывали весьма скудно одетые нимфы. – Майор не прочь внести в свою жизнь немного изящества, – заметил Дональд. – Любит позабавиться, как

видите. — Он покраснел и поклонился. — Прошу прощения, сэр. Я не хотел проявить неуважение к старшему по званию.

— Я ничего не слышал. — Алек обменялся лукавым взглядом с сержантом. — Ты не спросил, нет ли у него французского мыла? — саркастически полюбопытствовал он и подошел к ванне, чтобы получше разглядеть этот медный чан.

Дональд покаянно покачал головой.

— Все, что мне удалось раздобыть, — это простое солдатское мыло.

— Прекрасно! Я уже привык, когда у меня щиплет кожу.

— Ты часто принимаешь ванну? — спросила Лейтис с неожиданным любопытством.

— Этот ритуал я неукоснительно соблюдаю, если провел день в седле, — сухо ответил он. — К сожалению, я лишен выносливости скоттов, способных скакать верхом с голым задом, сидя днями на жесткой попоне, не замечая ни сыпи, ни запаха.

Лейтис отвернулась, чтобы скрыть внезапную усмешку. Она вспомнила, как не раз заставляла своих братьев чаще окунаться в озеро.

Дональд положил полотенца рядом с ванной и вышел.

Лейтис предпочла бы, чтобы он задержался еще на несколько минут. После его ухода в комнате повисла напряженная, оглушительная тишина.

Она откинула голову, чтобы посмотреть на англичанина. Трепетный свет льстил его внешности, подчеркивая муже-

ственность, особенно выделяя линию подбородка и очертания носа. Это был посланник властей, судьбой предназначенный властвовать над скоттами Гилмура.

Он махнул рукой, приглашая ее приблизиться к ванне.

– Предлагаю вам принять ванну первой.

И он поклонился ей, как истинный джентльмен. Она старалась скрыть свой страх, не дать ему почувствовать, как она трепещет.

– Я не собираюсь мыться в вашей ванне. И тем более в вашем присутствии, – сказала она резко.

– Я позволю вам принимать ванну в уединении, – мягко пообещал он. – Даю слово.

– Чего стоит слово англичанина, Мясник? – спросила она.

– Ты говоришь точно как твой дядя, Лейтис, – сказал он резко.

Он шагнул к ней, и она застыла в ожидании. Но он остановился, будто прочел предостережение в ее глазах.

– Почему вы, горцы, так упрямы? Климат у вас такой, что ли? – Он повел рукой, подняв ее вверх и плавно опустив вниз, будто очертил их горы и долины. – Или все дело в тумане? Если в этом забытом Богом месте все время идет дождь, возможно, от этого сыреют и загнивают ваши мозги?

– А ты полагаешь, Мясник, что я покорно подчинюсь твоим желаниям? Не на ту попал! – Она так крепко сжала руки в кулаки, что костяшки пальцев побелели. – Я Лейтис Макрей из Гилмура и не покорюсь желаниям англичанина!

С минуту он пристально смотрел на нее, потом его губы изогнулись в улыбке. Она по-прежнему хмурилась, но это никак не отразилось на его хорошем настроении.

– Очень хорошо, – сказал он бесстрастно. – Тогда, по крайней мере раздели со мной трапезу. Или ты слишком горда, чтобы есть английскую пищу? – спросил он с иронией.

– Я не дура, – ответила она с раздражением. – Пища есть пища. Сомневаюсь, что у нее есть национальность.

Она подошла к столу и остановилась, глядя на еду, принесенную сержантом: толстые ломти ростбифа лежали высокой горкой рядом с миской, полной жирной подливки. Каравай хлеба с хрустящей коркой блестел, смазанный маслом. Пласт сыра с синими прожилками лежал на отдельной тарелке. Его запах распространялся по всей комнате. Посреди стола стояли два глиняных кувшина с элем, их стенки запотели от выступившей влаги.

Уже много месяцев ей не доводилось видеть столько пищи. Здесь было достаточно еды, чтобы досыта накормить троих.

Она села и медленно принялась за еду. Весь последний год она ела не чаще раза в день, и эта трапеза была для нее настоящим пиром.

Полковник невозмутимо раздевался, вешая одежду на гвоздик. Этот Мясник был аккуратным и собранным, но она полагала, что все солдаты такие. Его безразличие к ее присутствию смущало и удивляло ее.

Лейтис посмотрела на него через плечо и встретила его пристальный взгляд. Его пальцы замерли на пуговицах по-лу-расстегнутой рубашки. Лицо было бесстрастным.

Она отвела глаза и снова услышала шуршание его одежды.

Лейтис смотрела на толстую свечу посреди стола, бледную, кремовую, казавшуюся почти прозрачной. Воск плавился и медленно стекал на серебряный подсвечник. Даже эта свеча напоминала о пропасти между ними. Ее дом освещался перекрученными фитилями, вымоченными в расплавленном жире. Они всегда смердели и чадили. Эта свеча пахла чем-то острым и пряным, но запах был приятным и навевал мысли о дальних чудесных странах.

В комнату снова вошел Дональд. За ним следовали двое солдат с ведрами дымящейся паром воды. Они опасливо покосились на Мясника, наполнили ванну и удалились.

– Почему ты спас деревню? – спросила внезапно девушка.

С минуту он колебался, прежде чем заговорить.

– Действия Седжуика были бессмысленными. Все равно что бить топором мух. Зачем сжигать деревню, которую теперь придется построить заново?

– Это и есть твое объяснение? – спросила она с гневом. Она повернулась к нему, но слова застряли у нее в горле.

Удивительно, что такой крупный мужчина мог поместиться в этом медном чане. В мундире он не выглядел таким огромным.

Его руки, покрытые негустыми черными волосами, лежа-

ли на бортиках чана, а колени доставали до подбородка.

Она заметила, что он намылил кусок ткани и принялся тереть себе плечи и по его груди побежала мыльная вода. Его рука двигалась медленно круговыми движениями, которые почти завораживали, потом он принялся намыливать и тереть свой плоский живот.

Он мог быть кем угодно. Скоттом. Воином. Но его взгляд, ровный и властный, был взглядом человека, привыкшего повелевать. Это был взгляд победителя, и, вероятно, в любую эпоху взгляд завоевателя был таким.

Она не была девственницей. Тогда почему же вид обнаженного мужчины так взволновал ее? Она приказывала себе отвести глаза или сказать ему что-нибудь резкое, показать ему, что она не лишилась дара речи и ума.

С огромной неохотой она была вынуждена признать, что инвернесский Мясник очень красив. Она уставилась в свою тарелку, напуганная предательскими мыслями, порожденными не только его наготой.

– Я не собирался тебя смущать, – сказал он ровным голосом, словно для того, чтобы прервать затянувшееся молчание.

– Мне приходилось видеть нагих мужчин и прежде. – Она постаралась придать бесстрастность своему голосу.

– Твоего Маркуса?

Она кивнула, хотя это было неправдой. Их единственное совокупление произошло в спешке, и она с самого начала

крепко зажмурила глаза. Но она ухаживала за ранеными и больными и хоронила мертвых. Не раз она видела, как борются двое мужчин в килтах, и в конце схватки они оказывались голыми и спереди, и сзади, и все вокруг могли видеть их наготу.

Он снова замолчал, и тишину нарушал только плеск воды в чане да звук падения капель, походивший на шум дождя, а также стук мыла, когда он случайно прикасался им к бортику, намыливаясь.

Она встала и снова подошла к окну, стараясь не смотреть на него. В форту Уильям фонари уже зажгли, и цепь огней по всему периметру его стены оттеняла темноту ночи. Дальше был мост через лощину, и в руках ночного часового, шагавшего по мосту, трепетало пламя факела. Отсюда невозможно было бежать.

– Тебе никогда не приходило в голову уехать отсюда? – спросил он.

– Это было бы самым легким, – ответила она. – Тяжело, когда все вокруг вызывает горькие воспоминания.

– Воспоминания преследуют человека, куда бы он ни отправился.

– И тебя тоже?

– Да, но именно Шотландия навевает самые тяжкие воспоминания.

Вне всякого сомнения, он имел в виду Инвернесс. Она слышала легенды о жестокости, с которой он справлялся

с беспомощными пленниками только за их любовь к своей стране. Вот о чем ей следовало думать, а не о том, что он полон притягательного мужского обаяния и вызывает у нее непонятное любопытство.

– Гилмур – мой дом, – сказала она, – хотя я и не была здесь после смерти лэрда.

С минуту он молчал и наконец заговорил снова.

– Я думал, у вас есть предводитель, – произнес он мрачно.

– Никто из членов клана не смог бы заменить Нийла Макрея. А после войны в предводителе отпала надобность. Осталась всего маленькая горсточка Макреев.

– Ваш лэрд руководил мятежом? – спросил он тихо.

– Да, – ответила она, – но не дожил до конца войны. Он повел бы в бой своих людей против англичан хотя бы для того, чтобы отомстить за смерть своей дочери.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он неуверенно. – Ее убили скотты.

Она покачала головой.

– Англичане принесли смерть и убийство в Гилмур.

– Ты лжешь, – возразил он по-прежнему тихо, но его голос звучал неожиданно страстно.

Она круто обернулась к нему, раздраженная его недоверием.

Он стоял на одной ноге, подняв другую, собираясь выйти из чана. Рукой он тянулся к полотенцу. Свет свечи играл на его плоти, капельки воды подчеркивали красоту его тела –

плоскую грудь и бока, мускулистые ноги и руки.

Он вышел из чана, не сделав даже попытки прикрыть свою наготу полотенцем.

Она отвела глаза.

– Скажи, что ты имела в виду, Лейтис. – Его голос показался ей хриплым и жестким. Он завернулся в полотенце и шагнул к ней.

– Дочь лэрда была убита англичанами, – сказала она, ощущая слабость во всем теле по мере его приближения к ней.

Теперь он стоял рядом, и жар его тела был столь силен, что согревал ее даже на расстоянии.

– Мойра Макрей вышла замуж за одного из ваших, – сказала она, сложив руки на груди. – Но она очень страдала от этого, хотя и стала графиней. Солдаты генерала Уэйда не посчитались с тем, что она была титулованной особой. Для них имело значение только то, что она была женщиной и оказалась одна.

Его руки крепко сжали ее плечи. Медленно и решительно он повернул ее лицом к себе. Его руки спустились с ее плеч на предплечья, а потом нежно и легко скользнули к запястьям.

– Я слышал, что ее убили Драммонды. – Он с трудом выговаривал слова.

Внезапно она ощутила в нем отчаянную ярость, и это изумило ее.

Ей хотелось отодвинуться от него. «Сделай шаг, Лейтис.

Один крошечный шагок, чтобы не чувствовать его так близко».

Минуты медленно текли, а она все смотрела ему прямо в лицо. И когда его руки сжали ее запястья, она ощутила ответное тепло в своих жилах. Будто он измерял правдивость ее слов частотой биения ее сердца.

– Тебе-то что за дело, Мясник? – спросила она, наконец, смущенная его долгим молчанием и собственной реакцией на него. – Это старая история. И трагедией это было для нас, а не для англичан. – Она на шаг отступила. – Они убили ее так же, как ты убивал скоттов в Инвернессе.

Глава 7

Алек смотрел на нее, не в силах понять ее внезапной вспышки ярости или противостоять презрению в ее глазах. Гнев был ее защитной реакцией, которая до этой минуты не срабатывала так успешно, как ей бы хотелось.

Подойдя к столу, он посмотрел на еду, принесенную Дональдом. Он редко ел вместе с другими офицерами, разве что во время военной кампании. Он предпочитал уединение, и эта привычка появилась у него давно, еще во Фландрии. Трудно найти себе душевного друга среди подчиненных, офицеров или солдат, когда приходится отдавать им приказы и посылать их в бой, возможно, на смерть. Но в эту минуту он усомнился, что сможет проглотить хотя бы крошку. Ему и дышать-то стало тяжело.

– Ты в этом уверена, Лейтис?

– Да, – коротко ответила она. – Спроси любого в долине, если не веришь мне.

Алек кивнул, невольно принимая неприятную правду, которая проникала в него медленно, и только поэтому он мог вынести ее непереносимую жестокость.

Он сел, прижимая ладони к закрытым глазам, и услышал только, как Дональд вошел в комнату, будто привлеченный его смятением, и принялся выливать воду из чана в ведра.

– Почему для тебя это так важно? – спросила она с любо-

пытством.

Алек не ответил. Что он мог ей сказать? Что большую часть жизни он лелеял свою ничем не обоснованную ненависть? Что всю жизнь он обманывался? В день, когда убили его мать, он стал другим человеком, и его путешествие назад, в Англию, способствовало его превращению из веселого мальчика в разгневанного юношу. Он понимал тогда, что безмятежные дни его детства безвозвратно миновали.

Он обернулся и посмотрел на нее. Лейтис стояла, прижимаясь спиной к стене. В ее глазах было недоверие, руки решительно скрещены на груди. Это не похоже на беззащитную заложницу.

Алек хотел сказать, что он вовсе не такой отвратительный злодей, каким она его представляет, и что его действия в Инвернессе не были продиктованы порочностью или природной жестокостью. Но он молчал, считая, что сдержанность безопаснее откровенности.

Прошел час. Веки Лейтис отяжелели, и дважды она чуть было не заснула стоя, с трудом удержавшись на ногах.

– Ты собираешься всю ночь стоять? – спросил он.

– Да, – последовал краткий ответ.

Наконец она осторожно, с опаской, присела на край кровати, опираясь плечом о резное дубовое изголовье, украшенное гербом Макреев. Он сидел за столом, вытянув перед собой ноги, и смотрел на закопченные кирпичи камина, будто он был дверью в тайное убежище, где можно укрыться от

своих мыслей.

Вокруг Гилмура вздыхал ветер, касался своими крыльями толстых стекол в его окнах, метался среди руин рухнувших стен. Это был печальный звук, жуткое дополнение к другим звукам ночи. Где-то скрипнула половица, где-то упал кирпич. Казалось, старый замок медленно приходит в себя, оживает в темноте ночи.

Когда Алек поднялся с места, Лейтис, вздрогнув, проснулась от скрипа его стула.

Он бросил полотенце в ванну и заметил, что ее глаза расширились, она вскочила с кровати и снова вжалась в стену, мгновенно насторожившись. Он надел бриджи и вышел из комнаты, оставив дверь открытой.

Ночь окутала темнотой старый замок. Лишенный кровли зал, где когда-то собирался весь клан, казался беззащитным и открытым всем стихиям. Размытый овал луны струил тусклый свет. Он запрокинул голову, глядя на мерцающие звезды.

Темнота была снисходительна к замку Гилмур, она заполняла зияющие дыры и проломы в полуразрушенных ядрами стенах, оживляла тени, и, наконец, Алеку стало казаться, что он не единственное живое существо в этой комнате.

Он не был наделен ярким воображением, не склонен к фантазиям, не верил в привидения и духов. Просто все его мысли были больше в прошлом, нежели в настоящем. Его память возвращала ему образ деда, сидящего на стуле, похо-

жем на трон. Он вершил суд с такой естественностью и легкостью, о которых Алек мог только мечтать. Но лэрд разбирался с мелкими нарушителями порядка, и очень редко его приговор был суров.

Он припоминал, как сидел здесь, в этом зале, рядом со смертным одром своей матери. Ее обрядили в самое красивое платье из синего льна, в нем она была похожа на принцессу. На грудь ей положили деревянное блюдо, куда дед насыпал горку земли и другую, поменьше, соли. Все предметы, дающие отражение, были убраны из Гилмура, вплоть до кинжалов и щитов, покрывавших стены, – их завесили пледами Макреев.

Клан был в трауре, и завывания ветра казались голосами плачущих женщин. Ему чудилось, что они, как духи, пролетают мимо, касаясь его невидимыми руками, будто разделяют его горе.

Пять волынщиков клана Макреев расположились в ряд, чтобы отдать последние почести дочери лэрда. Они играли погребальную песнь Макреев, мелодию непередаваемой скорби. В то утро он возненавидел звук волынок. А позже возненавидел все, связанное с Шотландией, – ее дикость, варварство, жестокость, суровость этих мест.

Внезапно звезды заволокло ночным туманом, что нередко случались в Гилмуре. И прямо к звездам возносился марш Макреев, небесный хор высоких и нежных голосов, и эта мелодия навевала и радостные, и горькие воспоминания.

И в эту минуту он вернулся в настоящее. Нет, ему не почудилось, – просто Хемиш снова нарушил его запрет. Упрямый осел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.